

**РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ**

И.А. Хасанов

Феномен времени

Часть II. Субъективное время

Выпуск I.

Москва

2004

**РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ**

И.А. Хасанов

Феномен времени

Часть II. Субъективное время

Выпуск I.

Две гносеологические позиции в философии.

Субъективное пространство и субъективное время

как атрибуты сознания

Редактор Н.С. Хасанова

Москва

2004

УДК - 1Ф

Хасанов И.А. Феномен времени. Часть II. Субъективное время. Выпуск 1. Две гносеологические позиции в философии. Субъективное пространство и субъективное время как атрибуты сознания. – М.: ИПКГосслужбы, 2004. – 99 с.

Вторая часть монографии «Феномен времени» посвящена анализу проблемы субъективного времени. В работе выясняется природа сознания, происхождение, место и роль в структуре сознания субъективного времени; анализируются основные свойства и функции субъективного времени, закономерные связи субъективного времени человеческого сознания с объективным временем материального мира; дается историко-философский анализ тех философских учений, в которых нашло отражение субъективное время.

Рассмотрены вопросы целенаправленного развития субъективного времени, имеющего важное значение для оптимального учета временных закономерностей в организации жизни и деятельности человека.

Вторая часть монографии «Феномен времени» издается двумя выпусками.

ISBN 5-8081-0003-8

© И.А. Хасанов

© ИПКГосслужбы, 2004

Введение

На протяжении всей истории философии и естествознания проблема времени рассматривалась преимущественно как проблема объективного времени. И хотя уже Аристотеля беспокоила мысль о том, существует ли время безотносительно к считающей мгновения душе или разуму души, тем не менее и он рассматривал время как что-то связанное с движением, а следовательно как нечто объективное, и прошло еще много столетий, прежде чем философы начали осознавать субъективный аспект феномена времени.

Первыми мыслителями, истолковавшими время как нечто субъективное и в связи с этим поместившими его в душе человека, были Плотин и Аврелий Августин. Но и у них время объективировалось вместе с человеческой душой, которая трактовалась как независимая от бренного человеческого тела сущность, частица Мировой Души (Плотин) или божественной духовной субстанции (Аврелий Августин).

Более четкое осознание того факта, что человеку знания о материальном мире даны опосредованно, через отражение в субъективном пространстве и субъективном времени его сознания, связано с именами таких мыслителей, как Джордж Беркли (1685-1753) и Иммануил Кант (1724-1804). Однако рассматриваемый ими как субъект познания отдельно взятый человек, своего рода «гносеологический Робинзон», оказался запертым в своем собственном субъективном мире. Тем не менее открытие субъективной реальности явилось значительным шагом вперед в разработке научно обоснованной теории познания. Это, в частности, обусловило возможность философского анализа проблемы субъективного времени. Основы такого анализа были заложены И. Кантом, который рассмотрел место и роль субъективного времени, понимаемого им как время вообще, в структуре процессов чувственного восприятия и категориального анализа познаваемой человеком действительности. На сегодняшний день благодаря работам И. Канта, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и их последователей накоплен значительный опыт философского анализа проблемы субъективного времени.

Но вплоть до середины XX столетия эта проблема оставалась недоступной для естественнонаучного исследования, что негативно сказывалось и на ее философской интерпретации. Обусловлено такое положение дел тем, что субъективная реальность человеческого сознания представляет собой весьма труднодоступный объект исследования, поскольку обычно, за очень редким исключением, внутренняя, субъективная картина мира настолько адекватно отражает объекты, процессы и события внешнего материального мира, что ни у самого субъекта, ни у внешнего наблюдателя не возникает сомнений в том, что в повседневной жизни и деятельности человек имеет дело непосредственно с предметами внешнего материального мира и что в его сознании нет никакой особой, отличной от объективного мира субъективной реальности, которая опосредовала бы его взаимодействия с внешним объективным миром. Ни интроспекция как метод непосредственного познания человеком своего субъективного мира, ни тем более внешние наблюдения за поведением и деятельностью человека не дали возможности надежно дифференцировать объективную и субъективную реальности и приступить к изучению закономерностей их взаимосвязи. В тех же случаях, когда выдающиеся мыслители прошлого догадывались о существовании у человека субъективной реальности и пытались сделать ее объектом исследования, они оказывались запертыми в пределах своего субъективного мира. Будучи одним из таких мыслителей, Иммануил Кант признал "скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимость принимать лишь на *веру* существование вещей вне нас... и невозможность противопоставить какое бы то ни было удовлетворительное дока-

зательство этого существования, если бы кто-нибудь вздумал подвергнуть его сомнению" /Кант, 1994, с. 28, сноска/. Но подобная ситуация скорее характерна для того сравнительно небольшого количества философов, которые, признав существование субъективной реальности, не нашли выхода из субъективного в объективный мир и оказались на грани солипсизма. И это вполне понятно, поскольку «гносеологический Робинзон», рассматривающий познание «реальной действительности» как результат чувственного восприятия и логического мышления, оказывается в положении «гносеологического Мюнхгаузена», пытающегося, опираясь на собственную субъективную реальность, вытащить самого себя в объективный материальный мир. Подавляющее же большинство философов и ученых продолжают твердо стоять на *объективистской гносеологической позиции*, согласно которой человек воспринимает и познает объекты, процессы и события существующего вне и независимо от его сознания материального мира непосредственно, минуя субъективную реальность сознания.

За последние несколько десятилетий в психологии, психиатрии, нейропсихологии и других науках о мозге и высшей нервной деятельности начал накапливаться фактический материал о временной организации процессов и явлений психики и сознания. Исследования показали, что пространственно-временные свойства, связи и отношения материального мира отражаются в сознании человека, преломляясь через внутренние, субъективные пространство и время, и позволили естествоиспытателям сделать вывод о том, что «человек живет и функционирует не только в пространстве и времени реального физического, социального мира, а еще в своих личных, индивидуальных пространстве и времени, зависимых от него, им же обусловленных, без него невозможных, но объективно реальных так же, как объективно реально существует сам субъект» /Брагина, Доброхотова, 1981, с. 149/.

Глава 1. Две гносеологические позиции в философии

§ 1. Изначальный объективизм человеческого сознания

Для всех философских учений докантовского периода характерен более или менее ярко выраженный объективизм, т.е. представление о том, что объекты познания существуют вне и независимо от познающего субъекта. Такая гносеологическая позиция обусловлена тем, что сознание возникло в процессе антропосоциогенеза как средство более адекватной ориентации человека в окружающей среде, более эффективного и целенаправленного использования предметов внешнего мира для удовлетворения естественных потребностей. Именно эта изначальная направленность сознания на внешний материальный мир объясняет объективизм не только первобытного мышления, но и обыденного мировоззрения подавляющего большинства современных людей.

Следы того, что в период становления человечества люди еще не осознавали существование особого субъективного мира собственного сознания и жили исключительно в объективном мире, сохранились в некоторых особенностях языка и мировосприятия первобытных народов Азии, Африки и других континентов. Так, например, исследователи языков первобытных племен отмечают, что "общая тенденция этих языков заключается в том, чтобы описывать не впечатление, полученное воспринимающим субъектом, а форму, очертания, положение, движение, образ действия объектов в пространстве, одним словом, то, что может быть воспринято и нарисовано. Языки стремятся исчерпать пластические и графические детали того, что они хотят выразить" /Леви-Брюль, 1999, с. 125/.

Изначальный объективизм человеческого мировосприятия проявился в исключительном объективизме раннемифологического мировоззрения, а также в том, что первые философские, равно как и религиозно-мистические, учения представляли собой преимущественно учения о мироздании, в которых все наблюдаемые явления и действующие силы объективированы и даже персонифицированы. Применительно к истории формирования и развития европейского менталитета это достаточно очевидно. Так, в первых дошедших до нас религиозных учениях речь идет прежде всего о происхождении и устройстве мироздания. Философское мировосприятие европейцев началось с натурфилософских учений, в рамках которых сам человек присутствует как объективное тело, а субъективные аспекты мировосприятия если и находят некоторое отражение, то в основном в виде использования мыслителями недостаточно осознаваемых ими форм и оборотов речи, в которых оказались зафиксированными необходимые для взаимопонимания субъективные аспекты восприятия окружающего мира. Объясняется это тем, что в структуре языка, в языковых формах и категориях с огромным опережением находят отражение многие связи, свойства и отношения объективной и субъективной реальности, которые значительно позже становятся объектами осознанного осмысления.

Характерный для человеческого сознания изначальный объективизм обусловил в дальнейшем объективизм гносеологической позиции всей древнегреческой философии. На это обстоятельство настойчиво указывал глубокий знаток древнегреческой философии А.Ф. Лосев. «Упор на естественно-стихийное саморазвитие вещей делает все античное мировоззрение *принципиальным и абсолютным объективизмом*. Даже крайние субъективисты, индивидуалисты, идеалисты античности в конечном счете являются предста-

вителями объективизма и всегда так или иначе исходят из абсолютного факта космоса»¹ / Лосев, 1994, с. 33/.

В той мере, в какой древнегреческие мыслители ставили перед собой задачу познания чувственно воспринимаемого мира и выступали в роли первых ученых, объективизм гносеологической позиции древнегреческой философии определял материалистичность их научных теорий. Сегодня остается только удивляться, каких великих результатов достигли древнегреческие ученые и мыслители в материалистическом объяснении мироздания. Нет, пожалуй, ни одной серьезной области познания, в основе которой не лежали бы идеи, понятия и гипотезы древних греков. И это при том, что в Древней Греции отсутствовала экспериментальная наука и все научные достижения были вызваны к жизни в основном силой ума и остротой наблюдений за явлениями природы.

§ 2. Объективистская гносеологическая позиция

Вплоть до XVIII столетия изначальный объективизм лежал в основе безраздельно господствовавшей в сознании мыслителей и ученых **объективистской гносеологической позиции**, согласно которой *каждому человеку, как субъекту познания, противостоит существующий вне и независимо от его сознания объективно-реальный мир, который он непосредственно воспринимает и познает*. На такой гносеологической позиции стояла не только материалистическая, но и объективно-идеалистическая философия. Более того, на объективистской гносеологической позиции стоят многие религиозно-мистические учения. Дело в том, что если вести речь о процессе познания окружающей действительности отдельным индивидом, то объективизм его гносеологической позиции не зависит от того, как решается вопрос о происхождении и характере существования познаваемой им объективно-реальной действительности. Необходимо и достаточно признание того, что человек воспринимает и познает не идеальные образования своего сознания, а вещи, процессы и события объективно-реального мира, существующие вне и независимо от его сознания. При этом объективно-реальная действительность может осознаваться либо как самостоятельный материальный мир, либо как творение Бога, либо как материализация идей (или эйдосов) воспринимаемых человеком предметов, либо как инобытие Абсолютного Духа и т.д.

На объективистской гносеологической позиции стоит и онтологический дуализм Р. Декарта, поскольку мыслящая субстанция (дух), согласно Декарту, познает находящиеся вне ее предметы, состоящие из реально существующей протяженной субстанции.

---

¹ Придавая важное значение глубоко обоснованному свидетельству А.Ф. Лосева о сохранении объективизма на протяжении всей истории античной философии как одной из важнейших ее черт, мы не можем согласиться с тем, как А.Ф. Лосев объясняет это обстоятельство. Он считает, что в объективизме античной философии находит отражение природа рабовладельческой общественно-экономической формации, а именно то, что «... в рабовладельческой формации раб трактуется как вещь, а господин – как вещественное же оформление этой вещи. Вырастающее на основе такой формации мировоззрение еще до всякого исследования, еще чисто бессознательно, на основании простого и общепонятного в те времена опыта жизни, трактует все на свете только как вещи и как их естественное и стихийно возникающее оформление. Ясно, что предметом такого мировоззрения может быть только объективное, поскольку всякая вещь потому и есть вещь, что она объективна. Отсюда ясно также, что и все античное мировоззрение по необходимости есть принципиальный объективизм» /Лосев, 1994, с. 34/.

Отнюдь не отрицая вероятность искреннего выражения А.Ф. Лосевым собственного понимания проблемы, мы не исключаем того, что столь прямолинейное развитие марксистского положения об определяющей роли базиса по отношению к надстройке было необходимо А.Ф. Лосеву для того, чтобы получить возможность опубликовать свою фундаментальную работу, в сложном содержании которой умелые критики могли найти какие угодно идеологические ошибки. Такое предположение тем более правомерно, что А.Ф. Лосева еще в 1930 году обвиняли в идеализме (см.: /Гарбер, 1930/), что он прошел через горнило лагерей НКВД, а в более поздние годы постоянно испытывал гонения со стороны власти имущих как на уровне государственной власти, так и на уровне институтской администрации.

Таким образом, объективизм, или своего рода «материалистичность» гносеологической позиции, не всегда означает онтологическую материалистичность, поэтому от гносеологической позиции мыслителя следует отличать его онтологическую, мировоззренческую позицию, которая может быть идеалистической, поскольку существующий вне человека и познаваемый им мир не обязательно мыслится как самодостаточный материальный мир, для существования, движения и развития которого не требовалось бы никаких сверхъестественных сил, таких, как Абсолютный Дух, Мировая Душа, Бог и т.п.²

Несомненно, наиболее приемлемым, опирающимся на минимальное число априорно принятых положений является материалистический вариант объективистской гносеологической позиции, согласно которому непосредственно воспринимаемая и познаваемая человеком объективно-реальная действительность представляет собой самодостаточный материальный мир, никогда и никем не созданный и не возникающий самопроизвольно, а существующий вечно. Материализм опирается, во-первых, на незыблемое положение о том, что ничто не возникает из ничего, и, во-вторых, на закон сохранения материи, который может по мере более глубокого познания материального мира уточняться и принимать все более сложную формулировку, не теряя при этом своего существа. Идея же творения материального мира Богом или его самопроизвольного возникновения из ничего представляет собой чисто умозрительную гипотезу, которая не только не имеет под собой никаких эмпирических оснований, но и в принципе не поддается какому-либо подтверждению³.

Огромным преимуществом материалистического объяснения реальной действительности является то, что материализм опирается на достижения научного познания. Однако это преимущество материалистического мировоззрения оборачивается и его недостатком, так как ведет к вольной или невольной абсолютизации достигнутых знаний, а следовательно, и к определенным упрощениям, что нередко сопровождается стремлением к идеалистическому «преодолению» «односторонностей» материализма. Но по мере развития научного познания материализм всегда укреплял свои позиции, поскольку при этом уточнялись и развивались основные понятия и представления материалистической фило-

---

² Именно то обстоятельство, что и материалисты, и объективные идеалисты, и даже придерживающиеся религиозно-мистических взглядов представители христианской философии признавали существование вне сознания человека объективно-реального мира, делало на протяжении всей истории философии весьма подвижной границу между материалистическими, объективно-идеалистическими и религиозно-мистическими учениями. Подвижность этой границы обуславливалась еще и тем, что на протяжении многих столетий было далеко не безопасно придерживаться последовательно материалистических философских взглядов, ведущих к атеистическим выводам. Поэтому многие философы-материалисты прошлого признавали бытие бога и даже поддерживали идею творения материального мира богом. Однако это не всегда спасало их от преследований церкви, поскольку было трудно скрыть основное кредо материалистической философии, а именно материалистическое решение вопроса о соотношении сознания (души, разума) познающего субъекта и познаваемого им объективно-реального мира.

³ Попытки истолковать существующую в современной физике гипотезу о возникновении в физическом вакууме элементарных частиц, а также космологическую теорию Большого Взрыва как свидетельства возникновения материи или всего мироздания из ничего несостоятельны. Неправоммерно физический вакуум отождествлять с «ничто», поскольку физический вакуум – это особая форма существования материи. При этом необходимо учитывать, что мы, как существа макромира, не можем фиксировать некоторые физические поля как слишком малых, так и сверхбольших пространственных и временных масштабов и вынуждены иметь дело только с проявлением этих полей в макромире, каковым, в частности, вполне может оказаться самопроизвольное возникновение элементарных частиц в вакууме. Несостоятельна также интерпретация теории Большого Взрыва как акт возникновения мира из ничего, поскольку стремление к нулю пространственных характеристик Вселенной при устремлении параметра времени в прошлое и достижении им некоторой предельной величины нельзя понимать в буквальном смысле, поскольку в дифференциальном исчислении бесконечно малые величины имеют лишь относительное значение и их стремление к нулю означает только приближение к некоторым отнюдь не нулевым предельным значениям (См. подробнее: /Хасанов, 1998, с. 195-205; 2001, с. 251-268/).

Критику попыток использования данных современной космологии для обоснования идеи творения материального мира Богом см. в работе: /Грюнбаум, 1995/.

софии и все меньше оставалось простора для объективно-идеалистических и религиозно-мистических спекуляций.

Весьма показательным в этом отношении развитие представлений о материи и сознании. Как мы уже отмечали, исходный объективизм человеческого сознания привел к тому, что на ранних этапах человечество обладало объективистским мировоззрением. С философской точки зрения, это мировоззрение было материалистическим. Однако по мере развития философской мысли выяснилось, что материалистические философские учения не в состоянии объяснить, исходя из единого материального начала, ни все многообразие объектов материального мира, ни природу человеческого сознания.

Действительно, древнегреческие мыслители, стремившиеся философски объяснить все мироздание, найти его «начала» и построить единую, целостную картину мира, хотя и смотрели на мир объективистски, тем не менее не могли до конца логически последовательно придерживаться материалистических взглядов. Наиболее важными причинами этого являлись, во-первых, отсутствие знаний о присущих материи источниках движения и развития, обусловившее представление о косности материи, и, во-вторых, крайняя сложность с материалистических позиций дать при существовавшем тогда уровне знаний о материальных структурах и процессах головного мозга сколь-либо удовлетворительное объяснение человеческому сознанию.

Подавляющему большинству древнегреческих мыслителей, за исключением, пожалуй, атомистов Левкиппа и Демокрита, лежащая в основе чувственно воспринимаемого мироздания материя представлялась абсолютно косной, лишенной каких бы то ни было внутренне присущих самой материи источников активности. Вместе с тем древние греки из повседневной жизни знали, что придание материи той или иной формы, например, при валянии или строительстве дома, требует значительных усилий. Поэтому материя, считали философы, не обладая внутренними источниками энергии, не могла сама придавать себе какую-либо форму и, следовательно, изначально должна быть бесформенной и никак не воздействовать на органы чувств человека.

Именно таковы общие черты концепции материи, которая начала формироваться у Парменида, получила развитие у Платона и нашла свое завершение в развернутом учении Аристотеля о материи. Аристотелевская концепция открыла возможность научного познания материального мира и позволила заложить основы специальной науки - физики. Здесь проявилось основное отличие аристотелевской концепции от понимания материи Платоном, заключающееся в том, что материя, рассматриваемая у Платона, и Аристотелем как нечто пассивное и бесформенное, для Платона была эквивалентна не-бытию, тогда как для Аристотеля это - «первая материя», представляющая собой не абсолютное ничто, а некую реально существующую субстанцию, способную принять любую привносимую извне форму и стать субстратом доступных восприятию материальных вещей.

У Платона, а позднее у неоплатоников, чувственно воспринимаемый материальный мир - это воплощение изменчивости, неустойчивости, текучести, где ничто не существует в сколь-либо стабильном состоянии, а все непрерывно изменяется и в конечном итоге исчезает. Это делает сам материальный, чувственно воспринимаемый мир недоступным для познания. Объектом познания могут быть только вечные идеальные сущности - идеи (или эйдосы) всего того, что существует в мире. У Аристотеля же, если и можно говорить об абсолютной текучести, изменчивости, то только относительно бесформенной «первой материи», тогда как доступный восприятию материальный мир состоит из уже оформленной - «вторичной» - материи, элементами которой являются земля, вода, воздух и огонь⁴, и обладает определенной стабильностью, вполне познаваемыми свойствами и подчинен познаваемым законам, ибо Ум существует не вне материи в виде какого-то надмирового Ума, как это имеет место у Парменида и Платона, а находится в самом материальном мире⁵. Однако при всей материальности философии Аристотеля представление о косности, пассивности и бесформенности «первой материи» приводит к признанию необходимости особых, отличных от самой материи источников движения и движущих сил. Отсюда в его учении о четырех причинах всего сущего, помимо «материальной причины», т.е. того, «из чего все», фигурирует еще «начало движения», или источник движения, как одна из причин, вызывающих к жизни «все сущее».

Таким образом, идея существования приводящих в движение материальный мир нематериальных сил, действие которых подчиняется предписаниям либо высшего надмирового Ума, либо ума, существующего в самом материальном мире, изначально возникла в силу того, что на заре становления философии и научного познания еще не были известны имманентно присущие самой материи источники ее движения и

⁴ Материя, или субстрат (*υποκειμενον* - буквально «лежащее в основе», «под-лежащее»), согласно Аристотелю, - одна из четырех причин всего сущего и представляет собой то, «из чего все». Эту «материальную причину» Философ характеризует как «содержимое вещи, из чего она возникает; например, медь - причина изваяния и серебро - причина чаши, а также их роды суть причины...» /*Метафизика* V, 2, 1013a24-27/, т.е. металл - причина меди и серебра.

⁵ Критически анализируя взгляды предшествующих философов на причины всего сущего, Аристотель с одобрением пишет, что «тот, кто сказал, что ум находится, так же как в живых существах, и в природе и что он причина миропорядка и всего мироустройства, казался рассудительным по сравнению с необдуманными рассуждениями его предшественников. Мы знаем, что Анаксагор высказал такие мысли, но имеется основание считать, что до него об этом сказал Гермотим из Клазомен» /*Метафизика*, I, 3, 984b15-20/

развития. Следует, однако, отметить, что последовательно материалистическое представление о том, что движение присуще самой материи, имело место уже у древнегреческих атомистов Левкиппа и Демокрита, у которых атомы сами по себе свободно летают в пространстве, сталкиваются, объединяются в более сложные образования, распадающиеся затем на отдельные атомы, не требуя для этого вмешательства никаких нематериальных сил. Но Аристотелю не только было крайне трудно приписать внутренние источники движения абсолютно бесформенной и бескачественной «первой материи», но он, по-видимому, вообще не мог понять идеи атомистов о том, что движение может быть присуще самой материи⁶.

В средние века, в эпоху Возрождения и в Новое время представление о материи претерпевает серьезные качественные изменения. Уже в учениях аль-Фараби, Ибн-Сины, Ибн-Рошда постепенно преодолевается характерное для аристотелевского учения противопоставление абсолютно инертной, косной материи привносимой извне активной форме и начинает утверждаться представление о движении как об атрибутивном свойстве материи. Так, Г. Лей считает, что Авиценна, как естествоиспытатель, находит причину движения в материи /Лей, 1962, с. 116/. Неотомист Морис де Вульф, характеризуя философское учение Ибн-Рошда, пишет, что «... Аверроэс понимает материю не как пустое пространство, а как универсальную силу, содержащую в себе в зародыше все формы. По отношению к вечной материи вечный двигатель освобождает активные силы материи: материальный мир возникает из непрерывной последовательности этих развитий» (/Wulf, I, 1934, p. 215/, цит. по: /Лей, 1962, с. 158/).

Не останавливаясь на эволюции понятия материи в эпоху Возрождения и в Новое время, отметим лишь, что у материалистов Нового времени (например, у Толанда) движение рассматривается как атрибут материи, преодолевается деистическая концепция первого толчка и перводвигателя и материализм поднимается до понимания самодвижения материи⁷. Но в силу того, что в это время были раскрыты законы только механической формы движения, в сознании большинства философов и естествоиспытателей господствовал механистический материализм, который не позволял полностью преодолеть представление о косности и инертности материи. Согласно законам механики, материальные тела не способны сами изменять свои состояния движения или покоя, для этого необходимо столкновение с другими телами или, иными словами, необходим толчок извне. Причем логично предположить: то, что характерно для отдельного материального тела, характерно также и для всего материального мира, поэтому наблюдаемые в материальном мире движения тел могли возникнуть только в результате какого-то глобального «первого толчка». Представление же философов-материалистов о самодвижении материи в этих условиях должно было восприниматься как не имеющая под собой эмпирического обоснования умозрительная гипотеза.

На протяжении длительного времени огромную трудность для материалистической философии составлял также вопрос о многообразии видов движения материи, поскольку оставались неизвестными имманентно присущие самой материи различные виды энергии и законы их взаимопревращений. Основными свойствами материальных тел представлялись пространственная протяженность и непроницаемость. Вполне естественно, что, исходя из таких взглядов, было невозможно материалистически объяснить возникновение всего многообразия материальных тел и причины различных процессов, протекающих в материальном мире.

Именно стремление преодолеть указанные недостатки материалистического мировоззрения Нового времени привели Лейбница к представлению о наличии в материальном мире активных идеальных субстанций - монад. Так, в одной из ранних философских работ он пишет, что из общепринятого определения тела как того, что существует в пространстве, не вытекает способность тела к движению. В более поздних работах тезис о том, что «... материя... сама по себе не способна к движению, и начало всякого движения есть ум...» /т. 1, с. 94/, Лейбниц обосновывает, опираясь на выводы классической механики. При этом под материей им понимается то, что Аристотель называл «первой материей». Кроме того, Лейбниц считает невозможным из представления о качественно бедной, обладающей только пространственной протяженностью и непроницаемостью материи вывести все многообразие объектов и процессов чувственно воспринимаемого мира⁸. Эти трудности устраняются, по Лейбницу, если признать существование бесконечно разнообразных, активных идеальных субстанций, которые в сочетании с «первой материей» дают качественно многообразную и способную к движению «вторичную материю» непосредственно наблюдаемого материального мира.

⁶ Об этом свидетельствует замечание Аристотеля о том, что Левкипп и Демокрит, признавая «элементами полноту (т.е. атомы. – И.Х.) и пустоту (т.е. пространство. – И.Х.)», «вопрос о движении, откуда или каким образом оно у существующего, ... подобно остальным, легкомысленно обошли» /*Метафизика I, 4, 985b5-6, 985b18-20/*.

⁷ См. подробнее: /Быховский, 1970, с. 61-62/.

⁸ «... Сущность тела, - пишет Лейбниц, - состоит в протяжении и антитипии, и так как в вещах нет ничего без причины, то и не должно предполагать в телах ничего такого, причина чего не может быть выведена из основных свойств тел, составляющих их сущность... Следовательно, в телах нельзя предполагать ничего такого, что не вытекает из определения протяжения и антитипии. Но из них вытекают только величина, фигура, положение, число, способность к движению и т.п. (само же движение не вытекает из них, откуда следует, что тела могут получать движение только от нематериальных вещей). Отсюда ясно, что... теплота, цвет и т.п. суть не что иное, как тончайшие фигуры и движения» /Лейбниц, т. 1, с. 100/.

Правда, уже в XVII-XVIII веках естествоиспытатели приступили к изучению электромагнитных явлений, химических реакций, геологических процессов; благодаря изобретению микроскопа проникли в глубь строения живой материи и в мир микроорганизмов. Но только в XIX - XX столетиях человечество начало постепенно раскрывать принадлежащие самой материи источники энергии и соответственно стала отпадать необходимость объяснения всего многообразия протекающих в материальном мире процессов сверхъестественными силами.

Наиболее долго вопрос об источниках специфических форм движения сохранялся в области живой материи. Но и здесь, благодаря успехам генетики, молекулярной биологии, биохимии и других наук, исчезла потребность в представлениях об особом сверхъестественном источнике жизни и появилась возможность рассматривать жизнь как специфическую форму движения материи.

Важной гносеологической причиной возникновения и существования объективно-идеалистических философских учений и религиозно-мистических доктрин является сохраняющаяся трудность с материалистических позиций объяснить происхождение и сущность сознания. Дело в том, что материалистическая философия сводит до минимума количество априорно принимаемых умозрительных «начал» и стремится в объяснении мироздания, самого человека и человеческого общества опираться на результаты научного познания. Но как раз в области изучения процессов и явлений человеческого сознания достижения науки вплоть до недавнего времени оставались весьма скромными, и только за последние 50-100 лет благодаря развитию, с одной стороны, естественных наук, изучающих головной мозг и нервно-психические процессы как материальную основу процессов и явлений сознания, а с другой стороны, ряда гуманитарных наук, изучающих сознание человека с точки зрения закономерностей его функционирования, достигнуты значительные успехи, нуждающиеся в серьезном материалистически ориентированном анализе и обобщении.

По мере все более полного познания материального мира и самого человека как материального существа истощаются и сходят на нет указанные нами гносеологические причины возникновения и существования объективного идеализма. На сегодняшний день уже нет необходимости доказывать, что материя обладает имманентно присущими ей источниками движения и что движение, понимаемое в самом широком смысле этого слова, является атрибутивным свойством материи. Наука все более убедительно доказывает естественное происхождение сознания как особого свойства такой высокоразвитой и высокоорганизованной материальной системы, каковой является человек. Поэтому если бы объективно-идеалистические представления людей имели только гносеологические корни, то можно было бы вполне согласиться с мнением известного американского философа Джона Сёрла о том, что «... в наши дни уже никто не верит в существование бессмертных духовных субстанций, эта вера может иметь разве что религиозные основания»⁹ /Сёрл, 2002, с. 46/. Но то обстоятельство, что вера в существование бессмертных духовных субстанций возникает и продолжает существовать не только в результате недостаточной познания материального мира, природы и сущности человеческого сознания, но и в силу специфической потребности людей в подобных представлениях, делает объективно-идеалистические и религиозно-мистические учения непреходящими.

Опирающаяся на данные естественных наук материалистическая картина мира, не оставляющая места для бытия Бога и душ умерших людей и тем самым отнимающая надежду на существование после смерти, оказывается для многих людей неприемлемой в качестве основы их мировоззрения.

О том, что идеалистические и религиозно-мистические мировоззрения нужны многим людям для сохранения душевного комфорта, уменьшения страданий от жизненных невзгод и от осознания своей смертности, свидетельствует, например, признание Лейбница, который в одной из первых своих работ, выступая против материалистической философии, писал: «... мне тяжело было чувствовать, как эти ухищрения новых философов отторгали от меня величайшее благо жизни, именно уверенность в вечном существовании после смерти и надежду на то, что благость Божия снизойдет некогда на добрых и невинных» /Лейбниц, т. 1, с. 79/.

«Бездушная», описываемая в строгих научных понятиях материалистическая картина мира может вызывать отрицательные эмоции и неприятие и у современных людей, прекрасно знающих и понимающих

⁹ Напомним также мнение М. Хайдеггера о том, что объективный идеализм прекратил свое существование еще в середине XIX столетия вместе с учением Гегеля.

достижения наук. Приведем весьма эмоциональное и пронизанное тонким юмором заявление А.Ф. Лосева. «Механика Ньютона построена на гипотезе однородного и бесконечного пространства. Мир не имеет границ, т.е. не имеет формы. Для меня это значит, что он - бесформен. Мир - абсолютно однородное пространство. Для меня это значит, что он - абсолютно плоскостен, невыразителен, нерельефен. Неимоверной скукой веет от такого мира. Прибавьте к этому абсолютную темноту и нечеловеческий холод межпланетных пространств. Что это как не черная дыра, даже не могила и даже не баня с пауками, потому что и то и другое все-таки интереснее и теплее и все-таки говорит о чем-то человеческом» /Лосев, 1990, с. 405/.

В этом же русле лежит и своеобразное тяготение людей к мировоззренческой «экзотике», в частности, неистребимое желание путешествовать во времени и т.п.

Трудность материалистической интерпретации сознания обусловлена характерной особенностью осознания человеком собственного «Я» как некоторого непосредственно не связанного с материальным телом и существующего вне и независимо от него идеального начала, именуемого обычно «душой». Здесь проявляются изначальный объективизм человеческого сознания и его интенциональность, способствующие тому, что содержание сознания объективируется и как бы выносится за пределы мозга. В результате возникает своеобразный «гносеологический субъект», который как бы извне, со стороны «наблюдает» не только воспринимаемый субъектом сознания материальный мир, но и собственное сознание. Поэтому объективистскую гносеологическую позицию можно также назвать гносеологической позицией «внешнего наблюдателя».

§ 3. Субъективистская гносеологическая позиция

Ситуация в философии резко изменилась в XVIII веке, когда Джордж Беркли, Давид Юм и Иммануил Кант осознали, что *человек как субъект сознания при восприятии реальной действительности «непосредственно имеет перед собой», т.е. видит, слышит, осязает, возникающие в его сознании ощущения и чувственные образы.* Это положило начало развитию нового, основанного на **субъективистской гносеологической позиции** направления философской мысли.

В историко-философской литературе существует мнение, что возникновение субъективистских философских учений Дж. Беркли и Д. Юма является результатом, с одной стороны, логического развития гносеологической позиции английского эмпиризма и сенсуализма, а с другой - возрождения и дальнейшего развития имевшего место у некоторых философов древности и средних веков субъективизма. Так, Бертран Рассел, рассматривая философские учения этих философов, пишет, что характерный для них субъективизм «не был новым направлением, он существовал в поздней античности, особенно важное место занимал он у св. Августина. Он был возобновлен в Новое время декартовским *cogito* и достиг кратковременной кульминации в монадах без окон Лейбница» /Рассел, 1999, с. 647/.

Вильгельм Виндельбанд выводит спиритуализм Дж. Беркли из сенсуализма Дж. Локка как результат дальнейшего развития основной гносеологической задачи локковской философии (См.: /Виндельбандт, 2000, т. 1, с. 330-333,).

Можно согласиться, что субъективизм английской эмпирической школы в той форме, как он проявляется у Локка и более ранних ее представителей, не представляет собой ничего принципиально нового, поскольку здесь мы имеем дело с субъективизмом, возникающим при решении тех или иных частных вопросов, тогда как мировоззрение мыслителей в целом опирается на объективистскую гносеологическую позицию. В такой форме субъективизм возник в философии очень давно.

Действительно, если в гомеровских эпосах (VIII в. до н.э.) почти нет ничего субъективного и господствует исключительно объективизм¹⁰, а первые древнегреческие философы (VI в. до н.э.) были натурфилософами, анализирующими в основном только природу, включая, разумеется, и самого человека как природное явление, то уже в V веке до н.э. философия в лице софистов (серед. V - первая пол. IV в. до н.э.) и Сократа (ок. 470-399 гг.

¹⁰ См. более подробно: /Хасанов, 1998, с. 57-60; 2001, с. 49-52/.

до н.э.) обращается к человеку и появляются философы, которых квалифицируют как древнегреческих «субъективных идеалистов».

Однако, как убедительно показал своими исследованиями А.Ф. Лосев, античные мыслители на протяжении всей тысячелетней истории эллинизма оставались принципиальными и абсолютными объективистами. Правда, вопросы о природе и свойствах материи, о степени познаваемости материального мира разные философы решали по-разному. Но даже тогда, когда Платон и его последователи отказывали в «истинном», т.е. устойчивом, стабильном, бытии чувственно воспринимаемому миру и, вынося за пределы индивидуального сознания понятия чувственно воспринимаемых объектов, превращали их в самостоятельно и вечно существующие формы (идеи, или эйдосы) материальных вещей, объявляя их умопостигаемыми сущностями этих вещей, они не становились на субъективистскую гносеологическую позицию и не превращались в субъективистов. Эйдосы у них, как формы или сущности материальных вещей, объективировались и начинали жить самостоятельной жизнью. Человек, чувственно воспринимая материальный мир, мог узнавать эйдосы воспринимаемых предметов, поскольку его душа уже воспринимала эти эйдосы, так сказать, в чистом, не отягощенном материей виде, когда она сама не была еще воплощена в материю как душа конкретного материального тела. И хотя процесс познания, согласно Платону, - это процесс воспоминания человеком запечатленных в его душе эйдосов чувственно воспринимаемых им предметов, здесь мы имеем не субъективистскую гносеологическую позицию, а сочетание идеалистического и материалистического объективизма.

Отдельные элементы подлинного субъективизма можно найти у античных атомистов: Левкиппа, Демокрита, Эпикура и Лукреция Кара.

Так, согласно Демокриту, не все в «реальной действительности» существует объективно. С точки зрения философа, атомы обладают только такими пространственными характеристиками, как форма, гладкость или шероховатость поверхности, тогда как такие качества, как цвет, вкус, запах, существуют только «во мнении». Вместе с тем Демокрит еще не в состоянии осознать наличие у человека субъективного мира и таких его элементов, как «чувственные образы». Так, например, чувственный зрительный образ предмета, считает Демокрит, это состоящая из наиболее мелких атомов проникающая в нас копия соответствующих объектов.

В дальнейшем в философских учениях позднего эллинизма, в средневековой схоластике, в философских учениях эпохи Возрождения и Нового времени все большее внимание уделяется субъективным качествам человека, его внутреннему духовному миру.

Наиболее показательны в этом отношении взгляды Аврелия Августина (345-430), который внес большой вклад в познание человека.

Как пишет А.А. Столяров, «... вся оригинальность и вся непреходящая ценность Августина для истории европейского сознания (и для нас) состоит в открытии *уникальной, неповторимой человеческой личности...*» /Столяров, 1991, с. 30/. При этом, отмечает А.А. Столяров, личность рассматривается Августином в трех основных планах: отвлеченно-субстанциальном (как «чистое я»), моральном и эмпирически-психологическом, и всегда неизменно в ее отношении к Абсолютной Личности Творца.

Но при всем кажущемся психологизме, при всей ориентированности на «внутреннее чувство», разум, гносеология Августина несет печать характерного для античности и неоплатонизма объективизма. Являющийся объектом познания сотворенный Богом мир существует у Августина вне и независимо от сознания человека, который сам является таким же, как и весь остальной мир, творением Бога. Поэтому познаваемый мир не может переноситься в сознание человека.

Нельзя согласиться также с отождествлением Б. Расселом субъективизма XVIII века с субъективизмом декартовского *cogito*, ибо, предполагая существование двух субстанций и таким образом как бы субстанциально противопоставляя субъекту познания, ка-

ковым является мыслящая субстанция, предметы познания, состоящие из протяженной субстанции, Декарт оказывается изначально стоящим на объективистской гносеологической позиции. И хотя критерием своего существования как мыслящей субстанции Декарт делает *cogito*, протяженная субстанция у него существует независимо от мыслящей субстанции, а не возникает вместе с осознанием субъектом того, что он мыслит. Поэтому нельзя ставить знак тождества между декартовским *cogito ergo sum* и берклианским *esse est percipi*.

В истории английского эмпиризма и сенсуализма, берущих свое начало с Фрэнсиса Бэкона (1561-1626), постепенно нарастают элементы субъективизма. В частности, ярко выраженные черты субъективизма просматриваются во взглядах Томаса Гоббса (1588-1679) на время. Наибольший удельный вес субъективизм обретает у Джона Локка (1632-1704), возродившего учение древних атомистов о первичных и вторичных качествах. Однако английский сенсуализм остался философским учением, основанным на объективистской гносеологической позиции.

Единственным доберклианским философом, гносеологическая позиция которого оказывается сопоставимой с гносеологическими позициями Беркли и Канта, является Лейбниц. Однако субъективизм лейбницеvских «монад без окон» вряд ли можно характеризовать как кульминацию субъективизма всех остальных доберклианских философов, как считает Б. Рассел, и вместе с тем мы не можем согласиться с В. Виндельбандом, характеризующим учение Лейбница как спиритуализм, который «по-видимому, совпадает с берклянством» /Виндельбанд, 2000, т. 1, с. 490/.

Субъективизм лейбницеvской монадологии имеет совершенно иное происхождение, чем субъективизм представителей английской сенсуалистской школы и более ранних философов Средневековья и Древнего мира, где он возникает на основе выделения среди свойств воспринимаемых предметов материального мира таких, которые действительно присущи этим предметам, и таких, которые приписываются им человеческим сознанием. Монадология возникла из стремления Лейбница преодолеть некоторые весьма серьезные недостатки господствовавшего в естествознании XVII столетия механистического мировоззрения.

Дело в том, что в это время благодаря трудам выдающихся ученых, включая и самого Лейбница, больших успехов добилась механика, в результате чего мир начал осознаваться как механическая система, в которой все процессы и явления можно в конечном счете свести к пространственным движениям частиц материи и объяснить при помощи механики. Но вместе с тем уже был открыт закон инерции и было известно, что изменение состояния покоя материальных тел или состояния их движения происходит только под воздействием внешних сил. Сами материальные тела не могут вывести себя из состояния покоя или начатого ранее движения. Но в то же время в материальном мире имеет место самодвижение живых организованных материальных систем. Откуда возникает это движение, если материи, из которой состоят эти системы, не присущи активно действующие силы, способные сообщить системам движение? Вполне естественным казался вывод о том, что такие силы должны действовать на материальные системы «извне». Иными словами, должны существовать какие-то источники активных сил, которые не обладают присущими материальным телам пространственными свойствами. Но это означает, что источники таких сил должны представлять собой «метафизические точки», которые, в отличие от физических, не обладают пространственными свойствами, а, в отличие от математических точек, представляющих собой абстракции, обладают реальным бытием¹¹. В этих условиях для объяснения наблюдаемого в мире самодвижения необходимо было признать существование каких-то нематериальных активных сил. Решение проблемы Лейбниц увидел в реанимации представлений древних и средневековых мыслителей об особых нематериальных сущностях – «энтелехиях» или «субстанциальных формах», выступающих в качестве носителей индивидуальных активных сил.

Отличие субъективизма монадологии Лейбница от субъективизма более ранних философских учений состоит также в том, что это не частный субъективизм мыслителя, стоящего в целом на объективистской гносеологической позиции, а всеобщий, тотальный субъективизм замкнутой в себе монады-духа или, другими словами, сознания человека. Монада у Лейбница, будучи простой, т.е. не имеющей частей, субстанцией, не может «... претерпеть изменение в своем внутреннем существе от какого-либо другого творения, так как в ней ничего нельзя переместить и нельзя представить в ней какое-либо внутреннее движение, которое могло бы быть вызываемо, направляемо, увеличиваемо или уменьшаемо внутри монады, как это возможно в слож-

¹¹ «Существуют только *атомы-субстанции*, т.е. единицы или реальные единства, абсолютно лишены частей, составляющие источники деятельностей и первые абсолютные принципы сложения вещей и как бы последние элементы в анализе вещей субстанциальных. Их можно было бы назвать *метафизическими точками*: они обладают чем-то *жизненным* и своего рода *представлениями*; математические же точки – это их точки зрения для выражения универсума» /Лейбниц, т. 1, с. 276/.

ных субстанциях, где существуют изменения и в отношениях между частями. Монады вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти» /т. 1, § 7, с. 413-414/. Вместе с тем Лейбниц признает «за бесспорную истину» тезис о том, что «всякое сотворенное бытие – а следовательно, и сотворенная монада – подвержено изменению и даже что это изменение в каждой монаде непрерывно» /§ 10, с. 414/. Но эти «естественные изменения» «исходят из *внутреннего принципа*, так как внешняя причина не может иметь влияния внутри монады» /§ 11, с. 414/. Постоянно возникающее при этом преходящее состояние монады «... есть не что иное, как то, что называется *восприятием* (перцепцией) ...» /§ 14, с. 415/. Таким образом, человек как субъект познания, будучи монадой-духом, может иметь и познавать только те восприятия, которые представляют собой исходящие из внутреннего принципа естественные изменения монады.

Если акцентировать внимание на абсолютной замкнутости монад, то в Лейбнице можно увидеть идейного предшественника Дж. Беркли. Однако субъективизм Лейбница не тождествен и субъективизму Беркли, поскольку Лейбниц, будучи не только автором монадологии, но и выдающимся естествоиспытателем, внесшим неопределимый вклад в развитие математики, физики и ряда других наук, не мог представить себя замкнутым в собственном субъективном мире и не способным изучать объективно-реальную действительность. Абсолютная замкнутость монад преодолевается Лейбницем при помощи принципа предустановленной гармонии, согласно которому Бог изначально создал монады такими, что, хотя монада как духовная сущность и ее тело как материальная субстанция следуют своим собственным законам, они тем не менее «... соотносятся в силу *гармонии, предустановленной* между всеми субстанциями, так как они все суть выражения одного и того же универсума» /§ 78, с. 427/. Благодаря принципу предустановленной гармонии и в силу того, что ни монады не могут существовать без соответствующих тел, ни тела – без своих монад «... тела действуют так, как будто бы <...> вовсе не было душ, а души действуют так, как будто бы не было никаких тел; вместе с тем оба действуют так, как будто бы одно влияет на другое» /§ 81, с. 427/. Таким образом, «универсум», «живым зеркалом» которого является монада, можно рассматривать и как следующую своим законам систему тел или, другими словами, материальный мир, и как идеальный мир монад. Поэтому такие естественные науки, как, например, физика, могут обходиться без каких-либо нематериальных монад и считать, что силы, действующие между телами, принадлежат самим телам.

Первым философом, явно вставшим на субъективистскую гносеологическую позицию, был **Джордж Беркли** (1685-1753).

Осознание того факта, что человек воспринимает объективно-реальную действительность опосредованно, через систему возникающих в процессе восприятия и познания ощущений, чувственных образов, понятий, суждений и других идеальных образований сознания, произошло, по всей видимости, так, как обычно совершаются открытия, в корне изменяющие мировоззрение людей, а именно как внезапное интуитивное озарение, в данном случае, стимулированное размышлениями Дж. Беркли о принципах сенсуалистической философии Дж. Локка. Об этом свидетельствует то, что основная идея философского учения Беркли была сформулирована в его «философском дневнике» еще в бытность студентом. Здесь нет никаких собственных аргументов в пользу доведенного до солипсизма субъективно-идеалистического тезиса о том, что «непосредственно ничего не существует, кроме личностей, т.е. разумных вещей, все же другие вещи являются не столько самостоятельно существующими, сколько способами существования личностей» /Беркли, 1978, с. 41/. Лишь позднее Дж. Беркли аргументирует и развертывает этот тезис в субъективно-идеалистическую философскую систему.

Основному своему произведению он предпосылает работу «Опыт новой теории зрения», где старается доказать, что субъективны и существуют лишь в сознании человека не только «вторичные качества» (цвет, звук, вкус, запах), но и «первичные» (пространственные формы, размеры, гладкость или шероховатость поверхности), которые признавались Локком как свойства объективные, имманентно присущие самим предметам.

Главными аргументами Беркли являются неспособность человека непосредственно воспринимать «пространственную «глубину», т.е. степень удаленности объекта от воспринимающего его человека, и опо-

средованность восприятия «первичных качеств» «вторичными», субъективными, существующими только в его сознании.

Аргументы Беркли выглядят достаточно убедительными. Действительно, можно согласиться, что «расстояние, будучи линией, перпендикулярной к глазу, проектирует только одну точку на дно глаза, и эта точка остается неизменно одной и той же, будет ли расстояние длиннее или короче» /с. 54/. При этом пространственные формы и размеры объектов, их положение относительно друг друга, изменения этого положения, т.е. движение объектов, воспринимаются только благодаря тому, что мы воспринимаем различные сочетания окрашенных поверхностей и изменения их конфигурации в поле зрения. Дж. Беркли отмечает, что «все, кто думал об этом предмете, согласны, что цвета, представляющие собой собственный и непосредственный объект зрения, не находятся вне духа» /с. 71/. Отсюда Беркли выводит, что и воспринимаемые вместе с цветом окрашенных поверхностей формы объектов, а также воспринимаемые через изменение положения в поле зрения окрашенных поверхностей движения тоже не могут находиться «вне духа». Такой вывод в сочетании с доказанным тезисом о том, что мы не воспринимаем пространственную «глубину», означает: пространство, в котором, как мы считаем, располагаются воспринимаемые нами объекты, также существует только в нашем сознании.

Свои идеи Дж. Беркли доводит до логического завершения в «Трактате о принципах человеческого знания, в котором исследованы главные причины заблуждений и затруднений в науках, а также основания скептицизма, атеизма и безверия».

Анализируя процесс восприятия с позиции субъекта познания, Беркли, фактически, приходит к явному солипсизму, поскольку, с его точки зрения, оказывается, что существует только то, что воспринимает человек, причем «воспринятое» - это не что иное, как комплексы ощущений самого субъекта, и поэтому существует только в сознании. При этом следует отметить, что Беркли акцентирует внимание на том, что если допустить существование вне духа вещественных субстанций, то познать их мы не сможем иначе, как опираясь на чувственное восприятие и умозаключения, т.е. целиком оставаясь в пределах сознания. Следуя своей изначальной установке на опровержение материализма и обоснование бытия Бога, Беркли полагает, что внеиндивидуальный абсолютный дух, или, иначе, Бог, внушает человеку его «истинные» чувственные образы, в отличие от производимых самим индивидуальным сознанием чувственных образов воображения, галлюцинаций, сновидений и т.д. Таким образом, в субъективно-идеалистическом учении Дж. Беркли, в котором все воспринимаемые объекты суть только комплексы ощущений, а «существовать» означает «быть воспринятым», появляются элементы объективного идеализма.

Возникновение субъективистской гносеологической позиции в XVIII веке – это, на наш взгляд, первый шаг в направлении осознания человеком существования субъективной реальности собственного сознания, адекватного понимания ее места и роли в процессах восприятия и познания человеком материального мира. Однако процесс постижения субъективной реальности растянулся более чем на три столетия, и, хотя на сегодняшний день имеются десятки философских направлений, в которых объектом осмысления является субъективная реальность человеческого сознания, мы еще не можем сказать, что уже достигнуто понимание ее природы, сущности, структуры и функций.

Более того, фактическое открытие субъективной реальности Джорджем Беркли не только не внесло ясность, но еще больше затруднило понимание процессов восприятия и познания человеком материального мира. Обусловлено это не только тем, что выяснилась значительно большая сложность этих процессов, но и тем, что субъективную реальность впервые открыл мыслитель, имевший изначальную установку не на выяснение истины и более адекватное познание гносеологических процессов, а на изыскание способов опровержения материализма и обоснование существования бога¹². Это обстоятельство значи-

¹² О том, что именно такая установка сформировалась у Дж. Беркли еще в годы учебы в колледже св. Троицы Дублинского духовного университета, свидетельствуют записи в его «философском дневнике»: «Величайшая опасность признания протяжения существующим вне духа, - пишет Беркли, - состоит в том, что в результате этого оно должно быть признано бесконечным, неизменным, вечным и т.д. ...» /с. 42/. Весьма четкая установка Беркли на устранение материи и опровержение материализма проявилась в его основном философском произведении, где он пишет, что «... на основе учения о материи, или телесной субстанции, воздвигнуты были все безбожные построения атеизма и отрицания религии.... Нет надобности рассказывать о том, каким великим другом атеистов во все времена была материальная субстанция. Все их чудовищные си-

тельно затруднило понимание природы субъективной реальности и направило одних мыслителей по ложному пути развития субъективно-идеалистических учений, а других – на борьбу с этими учениями, а заодно и на борьбу с представлениями о существовании субъективной реальности.

Давид Юм (1711-1776), пришедший к взглядам, во многих отношениях сходным со взглядами Беркли, в своих выводах был осторожнее и не отвергал безапелляционно существование вне человека материального мира. Он лишь констатировал, что, имея дело только с идеальными образованиями сознания, нет никакой возможности решить вопрос об их реальных источниках. В принципе такими источниками, согласно Юму, могут быть реально существующие вне человека материальные тела, как утверждают материалисты, но таким источником может быть и Бог, как полагает Беркли. Философское учение Д. Юма историки философии, с одной стороны, рассматривают как результат логического развития английской эмпирической, сенсуалистической философии, а с другой - видят в нем возрождение древнегреческого скептицизма. На наш взгляд, имеет смысл трактовать философию Юма как переход на гносеологическую позицию субъекта сознания. Субъективистская позиция Д. Юма возникла не в результате интуитивного озарения, а явилась следствием серьезного критического анализа процесса познания. Но вместе с тем критический анализ и дальнейшее развитие сенсуалистической философии Дж. Локка сами по себе не могли бы привести к гносеологической позиции субъекта сознания, поскольку такой переход в корне меняет исходные принципы развиваемой Дж. Локком сенсуалистической философской системы. «Чисто логический» переход с объективистской гносеологической позиции на субъективистскую был бы неосуществим, если бы Беркли уже не показал возможность и правомерность последней.

Однако фактически встав на гносеологическую позицию субъекта сознания, Д. Юм сохранил характерную для эмпирической, сенсуалистической философии ориентацию на познание внешнего мира. Но с гносеологической позиции субъекта сознания предметы, процессы и события внешнего, объективно-реального мира непосредственно «не просматриваются». Поэтому с точки зрения познания внешнего материального мира, философская позиция Юма выглядит как логический тупик, в который он попал, последовательно развивая принципы английской эмпирической философии. Именно так оценивает философию Д. Юма Б. Рассел, который пишет, что, развив эмпирическую философию Локка и Беркли до логического конца, Д. Юм придал ей внутреннюю последовательность, сделал ее неправдоподобной. «Взгляды Юма представляют в некотором смысле тупик в развитии философии; в развитии его взглядов дальше идти невозможно. С тех пор как он написал свои работы, опровергать его стало любимым занятием метафизиков» /Рассел, 1999, с. 611/.

Для континентальных философов, воспитанных в духе декартовского и лейбницевского или лейбнице-вольфовского рационализма, субъективно-идеалистические выводы Беркли и скептицизм Юма должны были казаться вполне естественными аргументами против исходных принципов эмпиризма и сенсуализма. Кроме того, выводы Беркли и Юма были совершенно непригодны в качестве методологических основ естествознания. Все это обусловило в целом негативное отношение подавляющего большинства философов к взглядам Беркли и Юма.

Иммануил Кант. «Коперниковский переворот» в философии.

В Предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» И. Кант следующим образом поясняет внесенные им изменения в теорию познания. «До сих пор считали, что всякие наши знания должны сообразоваться с предметами. При этом, однако, кончались неудачей все попытки через понятия что-то априорно установить относительно предметов, что расширяло бы наше знание о них. Поэтому следовало бы попытаться выяснить,

стемы до того очевидно, до того необходимо зависят от нее, что, раз будет удален этот краеугольный камень, - и все здание неминуемо развалится» /Беркли, 1978, с. 213/. Примечательно и то, что антиатеистическая направленность главного сочинения Беркли зафиксирована в самом его названии.

не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием, - а это лучше согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны. Здесь повторяется то же, что с первоначальной мыслью Коперника: когда оказалось, что гипотеза о вращении всех звезд вокруг наблюдателя недостаточно хорошо объясняет движения небесных тел, то он попытался установить, не достигнет ли он большего успеха, если предположить, что движется наблюдатель, а звезды находятся в состоянии покоя. Подобную же попытку можно предпринять в метафизике, когда речь идет о *созерцании* предметов» /Кант, т. 3, с. 87/.

Таким образом, И. Кант полагает, что для объяснения априорного знания о предметах при помощи понятий, необходимо признать, что не наши знания согласуются с познаваемыми предметами, а наоборот, познаваемые предметы должны сообразоваться с нашим познанием. На первый взгляд, такое заявление кажется абсурдным: как может познаваемый нами предмет сообразоваться с нашим познанием? Однако секрет в том, что речь, фактически, идет о смене предмета познания, а именно: если для человека, стоящего на объективистской гносеологической позиции, объектами познания являются существующие вне и независимо от его сознания материальные вещи, их объективные свойства, связи и отношения, то для Канта непосредственно данными объектами познания становятся полученные в опыте (под которым Кант понимает чувственное восприятие) чувственные представления, на основе которых рассудочное мышление формирует умопостигаемые предметы познания, призванные представить объекты познания такими, как они существуют сами по себе. Но хотя, по Канту, подведение результатов эмпирического чувственного восприятия под категории рассудочного мышления и придает им черты всеобщности и аподиктической достоверности, тем не менее и рассудочное мышление не выводит познающего субъекта за пределы его души (т.е. сознания). Вполне естественно, что возникающие таким образом предметы познания формируются в соответствии с закономерностями процесса познания и поэтому сообразуются с нашим познанием. Поскольку душа человека не может непосредственно воспринимать и познавать существующие вне ее вещи, минуя чувственное восприятие и возникающие при этом чувственные представления, то эти вещи в том виде, как они существуют вне и независимо от процессов восприятия их человеком, оказываются недоступными для познания вещами в себе.

В начале своего творческого пути Иммануил Кант (1724-1804) выступил преимущественно как стоящий на объективистской гносеологической позиции натурфилософ, внимание которого было направлено на анализ и дальнейшее развитие основанного на принципах ньютоновской механики механистического мировоззрения. В этот период И. Кант признает не только реальное существование противостоящего сознанию человека материального мира, но и его адекватную познаваемость. Более того, во «Всеобщей естественной истории и теории неба» (1755) он отстаивает тезис о том, что материальный мир самодостаточен и его эволюцию человек может вполне понять и описать, исходя из свойств самой материи, не прибегая к идее Бога. «Вся природа, - пишет И. Кант, - особенно неорганическая, полна доказательств в пользу того, что материя, сама себя определяющая с помощью механики своих сил, приводит к результатам, отличающимся известной правильностью, и сама собой, без принуждения, удовлетворяет правилам гармоничности» /Кант. Соч. Т. 1, 1964, с. 121/. «Определяя себя по самым общим законам, материя своим естественным поведением или, если угодно, под действием слепой механики приводит к подходящим результатам, которые кажутся замыслом высшей мудрости» /Там же/. Исходя из этого, И. Кант считает, что может «без всякой кичливости» сказать: *«дайте мне материю, и я построю из нее мир*, т.е. дайте мне материю, и я покажу вам, как из нее должен возникнуть мир. Ибо, раз дана материя, которая по природе своей одарена силой притяжения, нетрудно определить те причины, которые могли содействовать устройению системы мира, рассматриваемой в целом» /Там же, с. 126/.

В марксистской философии было распространено мнение, что Кант в докритический период придерживался материалистических или близких к ним взглядов¹³. Однако такая оценка требует некоторых разъяснений.

Дело в том, что, получив в пиетистской семье строгое религиозное воспитание, окончив в качестве начальной школы теологическое учебное заведение Collegium Fridericianum и получив высшее образование на теологическом (или философском) факультете¹⁴ Кенигсбергского университета, И. Кант был глубоко верующим человеком. Поэтому в мировоззрении Канта докритического периода можно достаточно четко выделить его взгляды как естествоиспытателя на материальный, физический мир и его философские взгляды на метафизический мир. Что касается материального мира, то здесь он действительно стоит на позициях естественнонаучного материализма. Но, согласно Канту, существует Бог, существуют бессмертные души людей и свобода воли человека, которая требует обоснования, поскольку в физическом мире все подчинено закону причинности и нет места для свободы воли. Поэтому если естествознание, изучающее физический мир, не нуждается в идее Бога, то философия должна заниматься метафизическим миром и доказывать бытие Бога, существование бессмертных душ и свободы воли. Отсюда у Канта мы наблюдаем устойчивое стремление совершенствовать методы метафизики как науки, призванной обосновать бытие Бога и выяснить основы нравственных законов¹⁵.

Таким образом, философские взгляды Канта докритического периода невозможно однозначно характеризовать как материалистические. Однако для нас важно то, что в начале своей творческой деятельности И. Кант стоял на объективистской гносеологической позиции, согласно которой человеку как познающему сознательному существу противостоит познаваемый внешний материальный мир.

Мы не будем подробно анализировать эволюцию взглядов И. Канта в докритический период, а остановимся лишь на некоторых наиболее важных моментах, позволяющих увидеть постепенное приближение И. Канта к принятию субъективистской гносеологической позиции.

В начале своего философского развития Кант придерживался в целом рационалистических взглядов, но при этом очень рано обратил внимание на недостатки господствовавшего в Германии лейбнице-вольфовского рационализма и на те противоречия, к которым приводит логически последовательное развитие принципов рационализма.

Как известно, основоположником немецкого рационализма был Г.В. Лейбниц, рационализм которого весьма существенно отличался от рационализма Декарта и Спинозы. Так, он отрицал декартовскую теорию врожденных идей и считал, что разум обладает лишь врожденными принципами или, иначе говоря, способностью формировать понятия. Он более внимательно, чем Спиноза, относился к идеям сенсуализма и даже признавал главный тезис сенсуализма, гласящий: «ничего нет в разуме, что не прошло бы раньше через чувства», правда, с весьма существенной поправкой: «кроме самого разума», т.е. способности мыслить и образовывать на основе чувственных данных понятия или идеи. Таким образом, чувственное познание признается Лейбницем как низшая ступень познания, дающая разуму случайный, эмпирический материал, а рациональное познание является высшей ступенью познания, дающей необходимое и всеобщее знание.

Последователи Лейбница, наиболее видными представителями которых в XVIII столетии в Германии были Христиан Вольф (1679-1754) и Христиан Август Крузий (1715-1775), старались на базе рационализма развить метафизику, понимаемую ими как учение о необходимых истинах разума, к которым они относили истины математики и чистой морали, а также принципы рациональной теологии. При этом метафизи-

¹³ Так, например В.Ф. Асмус писал, что «... в работах первого периода в мышлении Канта еще господствуют материалистические тенденции» /Асмус, 1973, с. 10/, а Т.И. Ойзерман полагает, что «в своих ранних произведениях Кант стоит на позициях непоследовательного естественнонаучного материализма, сочетая его с лейбнице-вольфовской идеалистической философией» /Ойзерман, 1963, с. 16/.

¹⁴ Относительно того, какой именно факультет Кенигсбергского университета окончил Кант, у историков философии имеются определенные сомнения. Однако даже если Кант окончил философский, а не теологический факультет, тем не менее теологическая компонента полученного им образования была весьма солидной.

¹⁵ Вопросы совершенствования метафизических методов познания обсуждаются Кантом уже в одной из первых его работ: «Новое освещение первых принципов метафизического познания», опубликованной в том же году, что и «Всеобщая естественная история и теория неба».

ка понималась ими как онтология, т.е. учение о сущем, призванное доказать бытие бога и души, существование свободы воли. Последние вопросы весьма серьезно интересовали Канта.

В этой связи важное значение приобретало так называемое онтологическое доказательство бытия бога, заключавшееся в суждении: поскольку разум мыслит бога как совершенство, постольку бог необходимо должен существовать, ибо без существования не было бы совершенства. Таким образом, из понятия сущности (бог – это всеблагое, самое мудрое, всемогущее и т.п. существо) выводилось существование (невозможно, чтобы существо, обладающее такими совершенствами, не существовало). Но Кант по этому поводу замечает, что основание для доказательства бытия бога здесь построено только на том, что нечто возможно / Кант, т. 1, с. 424/. О действительном же существовании речи здесь нет, и «все доказательства, которые обыкновенно ведутся от действий этого существа (бога. – И.Х..) к его бытию как причине, даже если допустить, что они могли бы доказывать это бытие с такой строгостью, какой они не обнаруживают, все же никогда не могут сделать понятной природу этой необходимости» /Кант, т. 1, с. 424/.

Важными направлениями исследований Канта в докритический период были выяснение роли логики в процессе познания, установление природы математики и математического знания и решение вопроса о возможности использования в метафизике математических методов исследования.

Рационализм рассматривал метафизику и математику, которые чисто логически оперируют понятиями, как опирающиеся только на разум и дающие априорное знание рационалистические науки. При этом было известно, что математика дает абсолютно достоверное знание, не ограниченное ни местом, ни временем. Поэтому все представители классического рационализма, начиная с Декарта и кончая Вольфом и вольфианцами, стремились использовать и в метафизике математические методы исследования и таким образом повысить эффективность метафизических исследований и достоверность их результатов. При этом основные вопросы любой метафизики – это вопросы о том, что существует и как действует существующее. Указывая на это, Виндельбанд пишет: «*Существование и причинность* – два главных столпа всего нашего понимания мира. Поэтому, подойдя к критике метафизического метода, Кант спрашивает себя: каким образом ответ на оба эти вопроса может быть дан посредством логического анализа?» /Виндельбанд, т. 2, с. 30/. Но единственное основание для заключения о существовании на основе логического рассмотрения – это отсутствие противоречий. Коль скоро речь идет о конечных предметах, «принцип непротиворечия выводится посредством заключений, основанных на причинной связи» /с. 30/. Однако рассмотрение этого вопроса приводит Канта к выводу о том, что «никаким путем невозможно «извлечь» существование из понятия, другими словами, один лишь логический анализ не в силах доказать существование чего бы то ни было.

Выяснилось, таким образом, что чисто логический анализ понятий вне математики не дает никакого нового знания. Для получения новых знаний необходимо формирование синтетических понятий, которое имеет место только в опыте, тогда как все логические действия над понятиями лишь создают новые формальные отношения в существовавшем ранее содержании познания и никогда не выявляют ничего нового. В частности, И. Кант обратил внимание на проблему противоречий и пришел к выводу о недопустимости смешивать логические отношения с реальными. Эта проблема тщательно анализируется Кантом в работе «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин» (1763).

Две силы, рассуждает И. Кант, которые в математике рассматриваются как положительная и отрицательная, вполне реальны и их действия взаимно уничтожаются. Это – совершенно иное отношение, чем логическое уничтожение, которое является следствием встречи двух противоречивых определений и приводит к полной бессмыслице. Так, например, «тело, которое находилось бы в движении и в то же время и в том же смысле (сегодня следует уточнить: в одной той же инерциальной системе отсчета. – И.Х.) не находилась бы в движении...» /Кант, т., 2, с. 85/ есть небылица, тогда как действие на одно и то же тело двух равных по величине, но противоположно направленных сил, при котором тело остается в состоянии покоя, вполне возможно. В первом случае мы имеем *логическое противоречие*, во втором – *реальное*. Кант отмечает, что многие понятия, которые пытались рассматривать как находящиеся друг к другу в отношении логического противоречия, в действительности фиксируют реальное отношение, при котором одно из них не всегда является недостатком или отсутствием другого. Таковы, например, радость и горе, ненависть и любовь, зло и добро, порицание и прославление, заблуждение и истина.

Кант не останавливается на точном разграничении логической и реальной противоположностей, а делает на этом основании вывод: анализ логического развития понятий достаточен для познания логической противоположности, но реальную противоположность невозможно вывести из логических предпосылок. Такой вывод приводит Канта к критике познания причинности, поскольку если посредством силлогизма нельзя постигнуть, каким образом одна сила может уничтожить действие другой, то совершенно так же невозможно исключительно силлогическим путем получить заключение о том, что одна вещь оказывает положительное действие на другую. Таким образом, И. Кант приходит к заключению, что причинные отношения совершенно недоступны знанию, полученному лишь при помощи аналитического развития понятий.

Рассматривая вопрос о степени различия математики и метафизики, Кант в работе «Исследование степени ясности принципов естественной теологии и морали» (1764) приходит к выводу о том, что математика – синтетическая наука, формирующая синтетиче-

ские понятия путем интуитивного созерцания своих объектов в пространстве и во времени¹⁶, тогда как философия – аналитическая наука, которая не в состоянии самостоятельно формировать синтетические понятия.

Это заставило Канта пересмотреть свое понимание пространства и времени.

Первоначально Кант придерживался ньютоновских идей абсолютного пространства и времени¹⁷. Но если интуитивное созерцание в пространстве и времени дает математике синтетические понятия, из которых можно получать знания, необходимые и общеобязательные для чувственно воспринимаемого в тех же пространстве и времени мира, то это равносильно, во-первых, утверждению, что пространство и время существуют только в сознании человека и, во-вторых, что весь воспринимаемый в пространстве и времени мир «реальных объектов» представляет собой существующий только в сознании человека мир явлений. «Здесь больше, чем где бы то ни было, - пишет Виндельбанд, - Кант расходится с принципами рационализма». «Философия все еще для него – наука, исходящая из понятий, но уже не из чистых понятий, а из понятий, данных опытом. Понятно, что в это время он с большой симпатией воспринимал учения английского эмпиризма, и как в своих частных занятиях, так и на кафедре часто обращался к Локку, Шефтсбери, Хатчесону и Юму» /Виндельбанд, т. 2, с. 33/.

До опубликования в 1764 году работы «Исследование степени ясности принципов естественной теологии и морали» философское развитие Канта, считает Виндельбанд, было относительно просто и понятно, но с этого момента, «оно очень скоро становится несравненно более сложным и запутанным» /с. 34/.

То обстоятельство, что во второй половине 60-х гг. философское развитие И. Канта становится «более сложным и запутанным», объясняется, на наш взгляд, тем, что в это время начинается переход И. Канта на субъективистскую гносеологическую позицию и познаваемый им «мир» теряет свою былую относительную простоту и ясность. Действительно, чувственно воспринимаемый мир оказался «содержащимся» в формах чувственного восприятия – пространстве и времени – миром явлений (феноменов). Вместе с тем метафизика лишилась ореола опирающегося на разум учения о существующих в сверхчувственном мире боге, душе и других чувственно не воспринимаемых объектах, и Кант все больше начал склоняться к мысли о том, что метафизика призвана лишь исследовать познавательные возможности человека. Но он не собирался отказываться от идеи существования и познаваемости недоступных для чувственного восприятия бога, души, свободы воли. Для решения проблемы была необходима принципиально новая гносеология, путь к построению которой Кант обнаружил в результате творческого осмысления идей основной гносеологической работы Лейбница «Новые опыты...», которая как раз в это время была впервые опубликована¹⁸. В ней Лейбниц рассматривал вопрос о том, каким образом чувственный опыт превращается в познание разума. Различая вещи в себе и вещи в явлении, Лейбниц признавал эмпиризм, но считал, что опыт дает лишь случайное познание вещей. Факты опыта - это лишь способ, каким вещи являются в чувственном опыте, истинная же их метафизическая сущность раскрывается лишь чистым разумом.

¹⁶ В геометрии имеет место интуитивное созерцание геометрических фигур, а в арифметике понятие числа основано на последовательном, т.е. временном восприятии считаемых объектов и с сохранением результатов счета.

¹⁷ Об этом свидетельствует, например, его понимание мирового пространства (см.: /Кант, т. 1, с. 133, 156, 163/, его характеристика соотношения реального пространства и математического /Кант, т. 1, с. 324/ и т.п. Правда, следует отметить, что в некоторых случаях Кант придерживается лейбницевской концепции пространства и времени. Так, в работе «Применение связанной с геометрией метафизики к философии природы» он пишет: «А так как пространство есть не субстанция, а лишь некоторое явление внешнего отношения субстанций, то возможность деления на две части отношения одной и той же субстанции не находится в противоречии с простотой или, если угодно, с единством субстанции» /Кант, т. 1, с. 324/.

¹⁸ Как известно, свою основную работу по теории познания, написанную в 1704-1705 гг., Лейбниц не опубликовал, считая этически некорректным публиковать работу, направленную против «Опытов» Дж. Локка после смерти его автора. «Новые опыты» Лейбница были опубликованы только в 1765 году.

Кант не мог согласиться с подобным пониманием роли разума в познании, поскольку к этому времени он уже пришел к выводу о том, что математика, дающая необходимое и всеобщее знание, – это не аналитическая, т.е. чисто рассудочная, а опирающаяся на чувственность интуитивная наука. Таким образом, математика служила доказательством того, что бывает чувственное познание, дающее ясное и отчетливое знание, тогда как мышление, оперирующее чистыми понятиями, далеко не всегда удовлетворяет требованиям ясности и отчетливости.

Кант предположил, что чувственность и рассудок не две ступени одной и той же единой познавательной способности, как считал Лейбниц, а два принципиально разных способа деятельности познающего ума. В таком случае и к чувственному, и к рассудочному познанию, как к двум самостоятельным видам познавательной деятельности, можно было бы применить принцип лейбницевского различения формы и содержания и рассматривать содержание как нечто случайное и фактическое, а форму – как нечто необходимое и всеобщее. Ощущение при этом оказывается содержанием чувственного познания, а чистыми априорными формами его – пространство и время. Из данных чувственного созерцания логическое мышление выводит содержание рассудочного познания, чистыми формами которого являются категории.

Новое понимание пространства и времени и некоторые черты новой гносеологии получили развитие в диссертации на ординатуру «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира» (1770). Здесь И. Кант уже сделал серьезный шаг к субъективистской гносеологической позиции, ибо он пришел к выводу, что «чувственно познанное – это представления о вещах, *какими они нам являются*, а представления рассудочные – *как они существуют* [на самом деле]» /Кант, т. 2, с. 390/. Для того чтобы полностью встать на субъективистскую гносеологическую позицию и таким образом совершить «коперниковский переворот» в философии, И. Канту осталось признать, что и умопостигаемый мир – это не мир вещей в себе, как они существуют «на самом деле», а мир, построенный рассудком человека на основе эмпирического материала чувственного познания при помощи рассудочных категорий. Однако окончательный переход на субъективистскую гносеологическую позицию и разработка качественно нового философского учения потребовали от И. Канта десяти лет интенсивного творческого труда, результаты которого были опубликованы в 1781 году в его основном произведении «Критика чистого разума».

И. Кант не проявляет и тени сомнения в том, что вне нематериальной души человека существует объективно-реальный мир вещей в себе¹⁹. Однако вещи сами по себе, как они существуют вне и независимо от сознания человека, по мнению Канта, абсолютно непознаваемы.

Стремясь раскрыть содержание и сущность процессов познания, И. Кант осуществил процедуру, аналогичную той, которая позднее, на заре становления феноменологической философии XX столетия, получит наименование феноменологической редукции. Мы имеем в виду операцию, которую Кант совершает в трансцендентальной эстетике для

---

¹⁹ Будучи изначально по складу мышления более естествоиспытателем, чем философом, Кант не мог усомниться в действительном существовании объективно-реального мира. Так, в Предисловии ко второму изданию "Критики чистого разума", поясняя свой вывод о том, что "мы можем познавать предмет не как вещь в себе, а лишь постольку, поскольку он объект чувственного созерцания, т.е. как явление", и что в связи с этим "необходимо следует ограничение всякого лишь возможного спекулятивного познания посредством разума одними только предметами *опыта*", И. Кант замечает: "Однако при этом... у нас всегда остается возможность если и не *познавать*, то по крайней мере *мыслить* эти предметы также как вещи в себе. Ведь в противном случае мы пришли бы к бессмысленному утверждению, будто явление существует без того, что является" /Кант, 1964, т. 3, с. 93/. Мысль о действительном существовании вещей вне человека мы находим и в его критике «материального идеализма», провозглашающего «существование предметов в пространстве вне нас или только сомнительным и *недоказуемым* или ложным и *невозможным*» /т. 3, с. 286/. Имея в виду подобного рода заявления Канта, Виндельбанд обвиняет его в том, что у него сохраняются элементы наивного реализма.

выявления априорных принципов чувственности. Он пишет: «...в трансцендентальной эстетике мы прежде всего *изолируем* чувственность, отвлекая все, что мыслит при этом рассудок посредством своих понятий, так чтобы не осталось ничего, кроме эмпирического созерцания. Затем мы отделим еще от этого созерцания все, что принадлежит к ощущению, так чтобы осталось только чистое созерцание и одна лишь форма явлений, единственное, что может быть нам дано чувственностью а priori. При этом исследовании обнаружится, что существуют две чистые формы чувственного созерцания как принципы априорного знания, а именно пространство и время...» /т. 3, с. 129/.

В результате совершенной И. Кантом операции все характеристики материальных объектов, обычно осознаваемые как непосредственно воспринимаемые свойства вещей материального мира, исчезли из поля зрения Канта и остались только пустые пространство и время, которые были осознаны им как существующие в душе априорные формы чувственного созерцания, тогда как объективно-реальный мир вещей в себе оказался не обладающим никакими пространственными и временными свойствами.

«Критика чистого разума» знаменует качественно новый этап в развитии философии, связанный с возникновением принципиально нового направления, основанного на субъективистской гносеологической позиции. Субъективная реальность человеческого сознания здесь впервые рассматривается как тот «мир», который непосредственно переживается и осознается человеком в качестве мира его бытия, как та «реальная действительность», которая непосредственно дана человеку в его чувственном восприятии и через отражение в которой человек воспринимает и познает существующий вне и независимо от его сознания объективно-реальный мир вещей в себе в его явлениях. Иными словами, субъективная реальность человеческого сознания и в целом «внутренний» субъективный мир человека изучаются изнутри, с позиции самого субъекта сознания, а не извне, с точки зрения внешнего наблюдателя, как это преимущественно было до «Критики чистого разума».

При анализе философии Канта для нас особое значение имеет то обстоятельство, что Кант, решая гносеологические проблемы, не только незаметно для себя перешел с традиционно господствовавшей в философии объективистской к новой, субъективистской гносеологической позиции и таким образом самостоятельно открыл субъективную реальность человеческого сознания, но и чисто умозрительно, не имея еще никаких научных данных о сознании как функции мозга, проанализировал пространственно-временную структуру этой реальности.

Итак, в XVIII столетии три выдающихся мыслителя осознали, что, «непосредственно воспринимая» объективно-реальную действительность, человек имеет в своем сознании идеальные образы воспринимаемых объектов, которые и принимает за воспринимаемые оригиналы. Но если Дж. Беркли и Д. Юм лишь приоткрыли завесу, скрывающую от мыслителей субъективную реальность человеческого сознания, то действительно «проник» в нее и там впервые «осмотрелся» только И. Кант. Результатом этого явилось первое в истории философии последовательно субъективистское философское учение.

При всей истинности субъективистской гносеологической позиции, мы не можем игнорировать того обстоятельства, что изначально господствующая в сознании людей и лежащая в основе естествознания, научно-технического творчества и производственно-преобразовательной деятельности объективистская гносеологическая позиция, согласно которой мы непосредственно воспринимаем и познаем существующий вне и независимо от нашего сознания материальный мир именно в том виде, как он существует сам по себе, обеспечил достижение наблюдаемых ныне выдающихся успехов в познании материального мира и в коренном преобразовании материальных условий и образа жизни человечества. Сегодня можно с полным основанием утверждать, что вся историческая практика убедительно доказала правомерность и высокую степень практической эффективности объективистской гносеологической позиции. Поэтому мы считаем, что объективистскую и

субъективистскую гносеологические позиции следует рассматривать не как взаимоисключающие, из которых лишь одну необходимо выбрать как истинную и на ее основе дать исчерпывающее описание всего Мироздания, а как взаимодополняющие, которые соотносятся между собой в соответствии с известным в естествознании принципом дополнительности.

Глава 2. Субъективное пространство и субъективное время как атрибуты сознания

§ 1. Сознание и психика - два качественно разных уровня развития психической формы отражения.

Вопрос о природе человеческого сознания является одним из самых трудных для материалистической философии, поскольку материализм, в отличие от идеалистических и дуалистических философских учений, которые постулируют бытие сознания как некоторой самостоятельной сущности, должен объяснить происхождение и характер существования сознания, не входя в противоречие с принципом материалистического монизма. Вполне естественно, что невозможно, оставаясь на материалистических позициях, рационально объяснить происхождение сознания, если предполагать, что материя в своей основе не обладает никакими имманентно присущими ей свойствами, развитие которых могло бы на уровне человека привести к возникновению сознания. При всех характерных для марксистской философии недостатках одним из несомненных достижений диалектического материализма является разработка положения о том, что сознание представляет собой высшую форму развития присущего всей материи свойства отражения.

Весьма удачное определение отражения как всеобщего свойства материи дал известный отечественный психолог С.Л. Рубинштейн. «Свойство отражения, которым обладает все существующее, выражается в том, что на каждой вещи сказываются те внешние воздействия, которым она подвергается; внешние воздействия обуславливают и самую внутреннюю природу явления и как бы откладываются, сохраняются в ней. В силу этого в каждом явлении своими воздействиями на него *“представлены”*, отражены все воздействующие предметы; каждое явление есть в известном смысле *“зеркало и эхо вселенной”*. Вместе с тем результат того или иного воздействия на любое явление обусловлен внутренней природой последнего; внутренняя природа явлений представляет ту *“призму”*, через которую одни предметы и явления отражаются в других» /Рубинштейн, 2003, с. 50/.

Процесс отражения представляет собой объективную сторону взаимодействия материальных систем, а отображение одного объекта в другом является одним из специфических продуктов этого процесса. На уровне неживой природы отражение не играет функциональной роли, а выступает лишь как некоторая закономерная особенность взаимодействия материальных систем, хотя уже здесь проявляются такие его свойства, которые с переходом к живой материи приобретают важное функциональное значение. Это прежде всего некоторая элементарная активность взаимодействующих материальных систем, заключающаяся в избирательности процесса отражения, и зависимость дальнейшей эволюции отражающей системы от результатов взаимодействия. Материальные системы неживой природы обладают своего рода *«саморефлексией»*, т.е. способностью *«запоминать»* свои предыдущие состояния и взаимодействия с другими системами и *«учитывать»* их в процессе дальнейших количественно-качественных изменений. Об этом свидетельствуют исследования И. Пригожиным и его коллегами открытых динамических систем²⁰.

²⁰ Как пишут Николис и Пригожин: «...Мы видим, что вдали от равновесия, т.е. при существенном ограничении степеней свободы, система может приспосабливаться к своему окружению несколькими различными способами или, выражаясь менее антропоморфически, при одних и тех же значениях параметров возможно несколько различных решений. И лишь случай решает, какое из этих решений будет реализовано. Тот факт, что из многих возможных вариантов был выбран лишь один, придает системе историческую размерность, своего рода *«память»* о прошлом событии, произошедшем в критический момент и оказавшем

При переходе от неживой материи к живой «отображение особенностей процессов, происходящих во внешней среде, попадает в число факторов, определяющих характер реакции отображающего объекта на внешние воздействия, и, следовательно, факторов, влияющих на ход саморазвития отображающих систем. Отображение становится более активным» /Украинцев, 1969, с. 79/. В итоге свойство отражения на уровне живой материи начинает играть важную роль в регулировании избирательного отношения живых организмов к различным факторам окружающей среды. Результаты отражения в живой материи свойств окружающей среды приобретают жизненно важное значение уже на уровне простой раздражимости, когда организм отвечает специфическими процессами на то или иное жизненно значимое воздействие.

Функциональная роль отражения резко возрастает с возникновением **психической формы отражения**. Как считает А.Н. Леонтьев, психическая форма отражения зарождается на очень ранней ступени развития живой материи, когда простая раздражимость дополняется способностью к раздражимости (или, иначе, «чувствительностью») «и по отношению к таким воздействиям, которые сами по себе не в состоянии определить ни положительно, ни отрицательно их ассимилятивную деятельность, обмен веществ с внешней средой» /Леонтьев, 1981, с. 54/, но опосредуют взаимодействие организма с внешней средой, «ориентируют организм в среде, выполняя сигнальную функцию» /Там же, с. 56/.

Возникновение чувствительности, или, иначе, ощущения, считает А.Н. Леонтьев, «связано с переходом организма из гомогенной среды, из «среды стихии» в вещно оформленную среду, в среду дискретных предметов. Теперь приспособление организмов, которое всегда, разумеется, является своеобразным отражением ими свойств среды, приобретает также форму отражения воздействующих свойств среды в их объективных связях и отношениях» /Там же, с. 59/.

Таким образом, с определенного этапа биологического развития процессы взаимодействия организма со средой как бы раздваиваются: одни воздействия среды выступают для организма как определяющие (благоприятно или неблагоприятно) само его существование, другие - лишь как побуждающие и направляющие его деятельность. Соответственно раздваивается и сама жизнедеятельность организмов. С одной стороны, выделяются процессы, с которыми непосредственно связаны поддержание и сохранение жизни, а с другой, - процессы, прямо не имеющие функций поддержания жизни и лишь опосредующие связи организма с теми свойствами среды, от которых зависит его существование. Последние составляют особую форму жизнедеятельности, которая и лежит в основе чувствительности организмов, психического отражения ими свойств внешней среды /Там же, с. 59-60/.

Важнейшей закономерностью психической формы отражения является **опережающее отражение** действительности, позволяющее живым организмам заблаговременно «готовиться» к надвигающимся благоприятным или неблагоприятным для жизни изменениям среды обитания.

Как известно, впервые идею «опережающего отражения» выдвинул и дал ее подробный анализ и обоснование известный отечественный физиолог, академик П.К. Анохин²¹ (1898-1974). «С зарождением жизни на Земле, - пишет П.К. Анохин, - материя обогатилась принципиально новым фактором – *активным* отношением живой материи к всевозможным превращениям пространственно-временной структуры неорганического мира, и, следовательно, время для животного приобрело свое специфическое значение» /Анохин, 1978, с. 7/.

Выясняя вопрос о том, каковы наиболее важные с временной точки зрения соотношения живой и неживой материи, П.К. Анохин отмечает, что среди всего многообразия материальных процессов, с которыми сталкивается живой организм, наряду с единичными событиями, имеются и такие цепочки событий [А, Б, В, Г, Д], которые, во-первых, повторяются, во-вторых, будучи связанными между собой причинно-следственными отношениями, всегда следуют друг за другом в определенной последовательности. При этом каждое из этих внешних по отношению к живому организму событий «благодаря особым свойствам влияния на дальнейшую эволюцию» /Николис, Пригожин, 1990, с.19/.

²¹ См.: /Анохин, 1962/. В настоящей работе мы цитируем указанную статью П.К. Анохина по сборнику /Анохин, 1978/.

вой протоплазмы отражается в ней в форме более или менее длинных цепей химических превращений» {а}, {б}, {в}, {г}, {д} /Там же, с. 13/.

Подобные цепи химических превращений, отмечает Анохин, могут иметь разный, как благоприятный, так и неблагоприятный для организма характер. Если события [А, Б, В, Г, Д], вызывая в первичных организмах соответствующие цепи химических превращений {а}, {б}, {в}, {г}, {д}, повторялись на протяжении миллионов лет, то со временем «неизбежно приводили к облегченному и ускоренному катализаторному типу развития этих цепных процессов» /с. 14/. Таким образом могли возникнуть цепочки ферментативных химических реакций, ускоренные по сравнению с исходными реакциями в миллионы и миллиарды раз. Если при этом ряд связанных между собой внешних событий [А, Б, В, Г, Д] вызывают цепочки ферментативных реакций {а}, {б}, {в}, {г}, {д} и если последняя цепочка {д} ведет к соответствующим событию Д внешнего мира приспособительным изменениям живого организма, то цепочки химических реакций {а}, {б}, {в}, {г}, {д} могут начаться с возникновением первого события А и с большим опережением, еще до возникновения события Д, привести к соответствующим приспособительным изменениям организма.

Как пишет П.К. Анохин: «Так постепенно формировалась способность первичных организмов отражать внешний неорганический мир не пассивно, а активно, с опережением в своей протоплазме последовательно и повторно развертывающихся явлений внешнего мира» /с. 17/. Без опережающего развертывания цепей химических реакций «трудно представить себе существование даже такого простого процесса, как, например, поглощение и переваривание амёбой какого-либо кусочка пищи или захватывание и переваривание бактерий бактериофагом» /с. 18/.

П.К. Анохин показывает, что «вся история животного мира служит наглядным примером усовершенствования этой универсальной и самой древней закономерности, которую можно было бы назвать *опережающим отражением действительности*, т.е. ускоренным в миллионы раз развитием цепей химических реакций, которые в прошлом отражали последовательные преобразования этой действительности» /с. 18/.

С возникновением нервной системы и по мере ее развития усложняются и процессы опережающего отражения. Анализируя примеры их проявления на разных уровнях развития живой материи, П.К. Анохин заключает: «... *опережающее отражение событий внешнего мира* является универсальным явлением жизни, которое определило собой все формы приспособительного поведения животного: врожденное, условнорефлекторное» /с. 23/. По мере эволюции живой материи опережающее отражение приобретает все более сложные формы.

С некоторого уровня развития жизни поведение и деятельность живых организмов обретают новые качества, заставляющие многих исследователей подозревать у животных наличие сознания. Это, во-первых, способность воздействовать друг на друга при помощи различного рода сигналов и, во-вторых, элементарная рассудочная деятельность.

У многих ныне живущих биологических видов выработались более или менее сложные системы сигналов, своего рода «языки общения», при помощи которых в сообществах регулируется их совместная жизнедеятельность. Результаты сигнального общения и взаимодействия животных нередко выглядят как осознаваемый ими обмен информацией и сознательное взаимное согласование поведения и деятельности. Однако более внимательный анализ языка коммуникации и взаимодействия животных убеждает в том, что это не язык осознанного общения, а система сигнальных кодов /Бенвенист, 1974, с. 102/, при помощи которых соответствующим образом модифицируется структура рефлекторно-инстинктивных механизмов и тем самым достигается высокая степень адекватности поведения и деятельности животных в конкретной ситуации. Примечательно, что «язык кодов» оказался наиболее развит у так называемых «социальных насекомых», ведущих весьма сложный социальный образ жизни. Но примитивность их нервно-мозговой системы не позволяет предполагать наличие у них индивидуального сознания и считать, что происходящий между ними обмен сигналами представляет собой осознанное языковое общение.

Процесс формирования у животных программ жизнедеятельности сопровождается автоматически протекающей аналитической деятельностью мозга, в ходе которой с учетом многих факторов вырабатывается наиболее оптимальная для данной ситуации линия поведения. При этом животные оказываются способными решать явно интеллектуальные

задачи и преодолевать весьма сложные препятствия, возникающие на пути удовлетворения их естественных потребностей.

Представление о том, что животным присуща элементарная рассудочная деятельность, возникло давно. Еще Ч. Дарвин писал: «Из всех человеческих способностей разум конечно ставится всеми на первое место. Но весьма немногие отвергают в настоящее время, что и животные обладают некоторой степенью рассуждающей способности» /Дарвин, 1896, с. 50/.

На протяжении XX столетия рассудочная деятельность животных интенсивно изучалась во многих лабораториях мира, а также отдельными учеными, наблюдавшими жизнь и поведение животных на воле, в естественных условиях, что позволило открыть многие нюансы их элементарного мышления. Основные результаты этих исследований весьма удачно изложены и проанализированы в работе З.А. Зориной и И.И. Полетаевой /Зорина, Полетаева, 2001/. Одну из задач исследований элементарного мышления животных авторы видят в том, чтобы «показать, какой степени сходства достигают наиболее сложные когнитивные функции у человекообразных обезьян и человека» /с. 294/, и выяснить, «действительно ли между ними существует резкая грань и даже непроходимая пропасть» /Там же/.

Опираясь на работы современных психологов, З.А. Зорина и И.И. Полетаева сформулировали определение мышления человека и его интеллекта, выделили основные элементы мышления и интеллектуальные способности²² и затем на материале многочисленных исследований показали, что все перечисленные ими элементы мышления и функции интеллекта возникают на весьма ранних ступенях эволюционной лестницы и, постепенно совершенствуясь, становятся все более эффективными по мере развития головного мозга (как по увеличению массы, так и по усложнению структуры).

Из всех мыслительных способностей наиболее сильно сближает животных с человеком способность первых реагировать на сохранившиеся у них «представления» об исчезнувших уже стимулах. Как пишут З.А. Зорина и И.И. Полетаева, «выполнение теста на отсроченные реакции на неслучайном уровне считается доказательством наличия у животного **мысленного представления** о спрятанном предмете (его **образа**), т.е. существования какой-то активности мозга, которая в этом случае подменяет информацию от органов чувств» /с. 87/. Сходство в мыслительных способностях животных и человека находят исследователи и в реакциях животных на такие абстрактные свойства стимулов, как их количественные различия (по критерию «больше» - «меньше»), степени сходства («одинаковые» или «разные»), что интерпретируется как возникновение «довербальных понятий» и способности разумно оперировать этими понятиями. И, наконец, способность оперировать такими «эмпирическими законами», как закон «неисчезаемости» предметов, закон, связанный с движением, позволяющий животным экстраполировать движение пищевого раздражителя, законы «вместимости» и «перемещаемости», благодаря которым животные «знают», что одни объемные предметы могут вмещать в себя другие и перемещаться вместе с ними, интерпретируется некоторыми исследователями как способность животных к умозаключениям.

---

²² Мышление человека авторами определяется следующим образом: «Мышление – это опосредованное и обобщенное отражение действительности, в основе которого лежит произвольное оперирование образами и которое дает знание о наиболее существенных свойствах, связях и отношениях между объектами окружающей среды» /с. 14/. Авторы выделяют ряд мыслительных операций, из которых состоит мышление человека, и основные функции человеческого интеллекта, определяемого ими в широком смысле как «совокупность всех познавательных функций индивида от ощущения и восприятия до мышления и воображения», а в узком смысле как «собственно мышление» /с. 15/. Мыслительные операции, при помощи которых осуществляется процесс мышления, суть анализ, синтез, сравнение, обобщение и абстрагирование, а основные «функции интеллекта в познании человеком действительности» - это способность к обучению, оперирование символами и способность к активному овладению закономерностями окружающей среды. Результатами процесса мышления у человека, считают авторы, являются понятие, суждение и умозаключение /с. 15-16/.

То обстоятельство, что указанные способности начинают проявляться на весьма ранней ступени эволюционной лестницы, заставляет предполагать наличие у животных иных, чем у человека, механизмов реакции на исчезнувшие стимулы, на абстрактные свойства сравниваемых стимулов и на существующие в объективном мире закономерные связи между свойствами и состояниями материальных объектов. Разумно предположить, что протекающие в нервно-мозговой системе даже примитивных живых организмов процессы опережающего отражения действительности и программирования поведения и жизнедеятельности основаны на весьма сложном автоматическом, протекающем без какого бы то ни было осознания анализе поступающей от рецепторов органов чувств информации. Без выделения разных и, в том числе, достаточно абстрактных свойств воспринимаемых объектов и явлений, их фиксации и последующего использования при формировании и реализации программ поведения и жизнедеятельности живые организмы не могли бы удовлетворять свои потребности. На более высоких стадиях эволюции, несомненно, совершенствуется анализ поступающей в мозг животных информации. При этом, надо думать, выявляются и фиксируются не только наиболее важные для животного свойства воспринимаемых объектов, но и постоянно действующие в окружающей среде закономерности, наиболее значимые для него тенденции в изменениях окружающей среды, закономерно повторяющиеся события и т.д. На основе такого анализа в мозгу животного автоматически моделируется не только непосредственно наличная в данный момент обстановка, но и составляется динамическая модель «вероятного будущего». Именно этот спонтанно, автоматически протекающий в мозгу животного процесс анализа поступающей от рецепторов информации и формирования программ предстоящего поведения и деятельности представляет собой содержание и механизм той элементарной рассудочной деятельности животных, которую исследователи вполне резонно могут определять как «способность животного улавливать эмпирические законы, связывающие предметы и явления внешнего мира, и оперировать этими законами в новой для него ситуации для построения программы адаптивного поведенческого акта» или как «адекватное поведение, основанное на восприятии связей между предметами, на представлении об отсутствующих предметах, на скрытом оперировании символами»²³.

Поскольку рассматриваемые элементы мышления возникают у животных на таких ранних ступенях эволюции, на которых заведомо нет и не может быть каких бы то ни было элементов сознания²⁴, то, опираясь на известный «канон Ллойда-Моргана»²⁵, резонно полагать, что и на всех последующих этапах эволюции живой материи (вплоть до человекообразных обезьян) поведение и жизнедеятельность животных полностью можно объяснить протекающими в организме и особенно в головном мозгу материальными процессами, не прибегая к предположению о том, что лежащие в основе психики животных материальные информационные процессы их мозга сопровождаются характерными для человека идеальными процессами и явлениями осознанного восприятия окружающей действительности.

Однако чем же отличается осознанное восприятие человеком объективно-реальной действительности от бессознательного восприятия животными окружающей их среды обитания? Ответить на этот вопрос крайне сложно, поскольку мы не можем взглянуть на мир глазами животного.

К решению этой задачи можно подойти, учитывая следующие соображения.

---

²³ Первое высказывание принадлежит Л.В. Крушинскому, второе – американскому исследователю Д. Рамбо (Цит. по: /Зорина, Полетаева, 2001, с. 108-109, 109/).

²⁴ Действительно, невозможно представить наличие сознания на уровне таких живых организмов, как крысы, куры и др.

²⁵ «Канон Ллойда-Моргана» гласит: «то или иное действие ни в коем случае нельзя интерпретировать как результат проявления какой-либо высшей психической функции, если его можно объяснить на основе наличия у животного способности, занимающей более низкую ступень на психологической шкале» (Цит. по: /Зорина, Полетаева, 2001, с. 24/).

Сознание человека возникло в ходе антропосоциогенеза на основе психики его животных предков, которая за многие миллионы лет эволюции сложилась в эффективно функционирующую информационную систему, успешно организующую и регулирующую их целенаправленную жизнедеятельность и поведение. Правомерно предположить, что присущая животным предкам человека досознательная психика с возникновением сознания не исчезла полностью, а, претерпев определенные изменения и вобрав в себя многочисленные программы навыков человеческого образа жизни, сохранилась в подчиненном сознанию виде по сей день, обеспечивая все автоматически выполняемые элементы повседневного поведения и деятельности. Иными словами, сознание человека возникло не взамен «досознательной психики», а в дополнение к ней. Поэтому логично было бы предположить, что среди возможных состояний человека могут существовать такие, которые соответствуют досознательному уровню функционирования центральной нервной системы. И действительно, среди имеющих место при определенных условиях состояний человека есть такие, при которых либо все психические функции, либо некоторые (например, зрительные или слуховые восприятия) снижаются с уровня сознания до уровня психики. Именно такими являются, на наш взгляд, состояния, получившие наименования «истерической слепоты» и «истерической глухоты».

При истерической слепоте человек продолжает зрительно воспринимать окружающую обстановку и на уровне психического поведения адекватно ориентируется в ней. Однако зрительно воспринимаемая обстановка не «оживляется» в виде внутренней субъективной «картинки», или, иначе, «не осознается», в силу чего принимаемая информация не может быть использована в контролируемой сознанием деятельности²⁶. Аналогичным образом обстоит дело и с истерической глухотой, когда человек на уровне психического поведения и деятельности продолжает воспринимать звуковую информацию и выполнять поданные голосом команды, петь под аккомпанемент рояля, меняя тональность и ритм в соответствии с изменением тональности и ритма музыкального сопровождения, и вместе с тем не осознает восприятия звука. Иными словами, на уровне сознательного восприятия человек глух, хотя звуковая информация проникает в его мозг, вызывая соответствующие возбуждения нейронов. Человек оказывается способным вполне адекватно реагировать на эту информацию, если нет необходимости включения механизмов сознания²⁷.

Вполне возможно, что состояние животных подобно состоянию человека, пораженного одновременно истерической слепотой и истерической глухотой при полном отключении сознания, как это происходит, например, при «лабораторном автоматизме»²⁸. Такой человек ориентируется в окружающей обстановке, воспринимает и выполняет поданные голосом элементарные команды, но лишен той многокрасочной и богатой звуками «картины мира», которой он обладает в нормальном состоянии.

---

²⁶ Вот как описывает конкретный случай «истерической слепоты» А.М. Свядош: «Ученица 7-го класса Р. плохо отвечала у доски. Учительница, бросив нелестную реплику по ее адресу, предложила ей сесть на место. У девочки на глазах навернулись слезы, и все кругом стало темным. Свою парту она не смогла найти, так как ничего не стала видеть и беспомощно натыкалась на предметы, продвигаясь ощупью с вытянутыми руками» /Свядош, 1971, с. 191/. В клинике во время осмотра ей было предложено пересесть на стул в углу кабинета, который был указан жестом. Она тут же прошла и села на этот стул, обнаружив сохранность зрения. Через минуту ей предложили пересесть на стул возле столика, жестом показан стул; она на него пересела, вновь продемонстрировав сохранность зрения. На вопрос, сколько пальцев ей показывают, ответила, что не видит.

²⁷ Так, например, такой человек может выполнять естественные при медицинском осмотре поданные голосом команды: посмотреть вправо, влево, вверх, вниз и т.д., но в то же время устные предложения называть или написать свою фамилию он не слышит и не выполняет /Свядош, 1971, с. 193/. При этом команды, разумеется, подаются так, чтобы пациент не мог читать по губам.

²⁸ Н.Н. Брагина и Т.А. Доброхотова описывают в своих работах случай «лабораторного автоматизма». В состоянии «лабораторного автоматизма» больной совершил весь путь с работы до дома, пересаживаясь при этом с одного транспорта на другой. Но по выходе из приступа он не помнил ничего из того, что с ним было на протяжении всего приступа /Брагина, Доброхотова, 1990, с. 81-82/.

Итак, при некоторых патологических состояниях, когда механизм осознанного восприятия оказывается по тем или иным причинам нарушенным, у человека выявляется наличие неосознаваемого восприятия на уровне досознательной психики. Однако то обстоятельство, что и в норме многие психомоторные процессы, требующие непрерывного и весьма оперативного поступления достаточно точной информации о пространственных параметрах окружающей среды, протекают автоматически, без их осознанного восприятия, свидетельствует об одновременном функционировании обоих механизмов восприятия.

Яркую ситуацию, раскрывающую наличие у человека неосознаваемого восприятия окружающего мира, описывает А.Н. Леонтьев (1903-1979): «Допустим, что человек идет по улице, углубившись в беседу со своим спутником. В нормальных случаях все его поведение находится при этом, конечно, в полном соответствии с происходящим вокруг: он замедляет свои шаги на перекрестке, обходит двигающихся ему навстречу пешеходов, переступает с тротуара на мостовую, поднимается вновь на тротуар и т.д. Очевидно, он воспринимает окружающее. Имеет ли он, однако, сознательный образ обстановки улицы? Если он очень углублен в беседу, этого, как известно, может и не быть. В таком случае можно сказать, что обстановка улицы в данный момент не “презентирована” ему. Но вот он ясно сознает: перед ним тот дом, куда он шел со своим собеседником, Теперь в его голове как бы открывшаяся ему картина улицы с ее зданиями; она теперь “презентирована” ему» /Леонтьев, 1983, т. 1, с. 240/.

Вопрос о возможности восприятия человеком объективно-реальной действительности без «презентации» ему результатов восприятия рассматривается А.Н. Леонтьевым в его последней монографии «Деятельность. Сознание. Личность» /Леонтьев, 1975/. Правда, автор в явном виде не квалифицирует такое восприятие как восприятие на уровне досознательной психики, но подобный вывод, на наш взгляд, однозначно следует из контекста его рассуждений. «Психическая реальность, которая непосредственно открывается нам, - пишет А.Н. Леонтьев, - это субъективный мир сознания» /т. II, с. 166/. Для того, чтобы освободиться от отождествления психического и сознательного, замечает он далее, потребовались века. «Решающий шаг состоял в утверждении идеи о разных уровнях психического отражения. С исторической, генетической точки зрения это означало признание существования досознательной психики животных и появления у человека качественно новой ее формы – *сознания*» /Там же/. Сознание характеризуется автором как «открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния» /Там же/. Человеку кажется, что все, что он воспринимает, им осознается. Для того чтобы экспериментально разделить «поле восприятия» и «поле сознания», отмечает автор, понадобилось изобрести тахистоскопическую методику. Но о том, что человек способен осуществлять сложные приспособительные процессы, управляемые предметами обстановки, вовсе не отдавая себе отчета в наличии их образа, свидетельствуют хорошо известные и легко воспроизводимые в лабораторных условиях факты. Совершенно иначе обстоит дело, если человеку нужно изменить вещь или изобразить некоторое предметное содержание. Здесь приходится сопоставлять представление с предметными условиями и внутренне примеривать их друг к другу. Такие сопоставления требуют, чтобы представление выступило для человека «как бы в одной плоскости с предметным миром, не сливаясь, однако, с ним. Особенно ясно это в задачах, для решения которых нужно предварительно осуществить «в уме» взаимные пространственные смещения образов объектов, соотносимых между собой; такова, например, задача, требующая мысленного поворачивания фигуры, вписываемой в другую фигуру» /с. 167/. Необходимость такого «предстояния» (презентированности) психического образа субъекту, считает Леонтьев, возникает лишь при переходе от приспособительной деятельности животных к специфической для человека производственной, трудовой деятельности, при которой продукт, к которому стремится деятельность, еще не существует. Таким образом, в случаях, когда поведение человека и манипулирование им

предметами представляют собой хотя и сложные, но приспособительные процессы, они могут не сопровождаться презентацией человеку чувственных образов и он может обходить препятствия и манипулировать вещами «как бы “не видя” их» /с. 167/.

Для того, чтобы наглядно представить два способа функционирования человеческого мозга, мы можем прибегнуть к следующей гипотетической модели.

Представим себе мозговые модели внешних объектов, процессов и событий воспринимаемого человеком материального мира в виде голографических “снимков”, каким-то образом зафиксированных в субстрате головного мозга. Как известно, на материальном носителе голографического снимка невозможно непосредственно разглядеть никакой картинке в обычном смысле этого слова: она как бы “расщеплена” и “распылена” по всему объему “светочувствительной эмульсии”, причем так, что любой ее участок, вплоть до некоторых предельно малых объемов “светочувствительно эмульсии”, содержит в себе весь запечатленный на снимке образ, хотя, возможно, и менее четкий, и с меньшим числом деталей, чем образ, который содержится во всем объеме “светочувствительной эмульсии”. Однако при освещении голографического снимка когерентными лучами света он как бы “оживает”, и возникает объемное изображение сфотографированных объектов.

А теперь допустим, что в мозгу человека и животных существует механизм, способный запечатлевать зрительно воспринимаемую информацию в виде “голограмм”, а затем считывать с них необходимую для деятельности мозга и регулирования жизнедеятельности организма информацию, не “оживляя” запечатленных в голограммах образов в виде объемных голографических “картинок”. Предположим, что у человека в дополнение к такому механизму отражения воспринимаемой информации имеется более совершенный механизм, функционирование которого сопровождается оживлением соответствующих голографических “картинок”. Первый из этих гипотетических механизмов будет соответствовать механизмам досознательной психики животных и человека, а второй - механизмам осознанного восприятия окружающей действительности человеком²⁹.

До недавнего времени все попытки построить теорию восприятия сводились к теоретическому описанию осознанного восприятия человеком окружающей действительности. И хотя подсознательные процессы уже давно обратили на себя внимание психологов, а в области исследований процессов зрительного восприятия сделан вывод о том, что неверно представлять себе зрение как единое чувство, поскольку зрительная система (т.е. механизм мозга, который перерабатывает информацию от глаз) – это «совокупность специализированных подсистем, в каждой из которых более или менее независимо от остальных подсистем обрабатывается определенная часть зрительной информации» /Вулф, 1983, с. 26/, и что функционирование некоторых из этих подсистем не поддается осознанию / Там же/, тем не менее не контролируемое сознанием восприятие окружающего мира до сих пор не рассматривается как самостоятельный уровень восприятия мира человеком.

Здесь мы имеем прямое негативное следствие сложившейся в психологии традиции обозначать терминами «психика» и «психическое» процессы и явления как психики (животных и человека), так и человеческого сознания. С этой традицией тесно связаны попытки сформировать общую, одноуровневую теорию восприятия окружающего мира. Точнее, теории восприятия разрабатываются применительно к человеку, но предполагается, что такие основные понятия, как «ощущение», «чувственный образ», «представление», едины для человека и животных, по крайней мере, для высших млекопитающих³⁰.

²⁹ Прибегая к голографии, мы отнюдь не собираемся утверждать, что именно таковы реальные механизмы психики и сознания, хотя не будет и полной неожиданностью, если окажется, что принцип голографии каким-то образом реализован в механизмах мозга. Следует заметить, что подобные мысли уже неоднократно высказывались специалистами (См.: /Gabor, 1968, p. 1288; Heerden, 1970, p. 177; Беспалько, 1969; Бахур, 1971, с. 1347; Кервиллис и др., 1973, с. 5; Чароян, 1975; Белый, 1979; Прибрам, 1975, с. 161-190; Чуприкова, 1985, с. 55/).

³⁰ Именно здесь лежит, на наш взгляд, причина того удручающего состояния проблемы восприятия, которую обрисовал А.Д. Логвиненко. «Первое знакомство с теориями восприятия, - пишет он, - производит обескураживающее впечатление. Прежде всего, ошеломляет обилие теорий, их эклектическая пестрота и порой почти полная несовместимость. Тех, у кого достанет терпения разобраться в этом чудовищно запутанном нагромождении идей, подходов, направлений и т.п., ожидает еще один сюрприз. Оказывается, что никакой теории восприятия нет и никогда не было. Были более или менее удачные идеи, но не было ни одной достаточно развитой теории» /Логвиненко, 1988, с. 5/. Правда, далее автор отмечает, что позднее, по мере приобретения в ходе самостоятельных исследований практического опыта работы в области восприятия, «постепенно становится понятно, что все без исключения авторы, писавшие когда-либо о восприятии, писали, в

Однако восприятие окружающей среды на уровне досознательной психики и осознанное восприятие человеком объективно-реальной действительности представляют собой качественно разные психические процессы, требующие для своего описания самостоятельных теоретических построений. Пожалуй, самое трудное здесь – выявление принципиальных различий в восприятии окружающего мира на двух уровнях развития психической формы отражения и формулировка исходных принципов построения теории восприятия окружающего мира на уровне досознательной психики. В настоящее время решение этой проблемы намечено в работах ряда исследователей, из которых особо следует выделить известного американского психолога Джеймса Джерома Гибсона (1904-1979), внесшего значительный вклад в разработку теории восприятия на уровне досознательной психики.

Теория зрительного восприятия Дж. Д. Гибсона. Дж. Гибсон построил теорию зрительного восприятия, рассматривая восприятие как способ приспособления живых организмов к экологической среде обитания. Стимулом к разработке подобной теории явились неудачи попыток на основе существующих теорий решить ряд практических задач, связанных с восприятием расстояний до удаленных в пространстве объектов³¹

Весьма примечательным в гибсоновском подходе к решению проблемы зрительного восприятия является замена в этой проблеме традиционного **как** на весьма оригинальное **что**.

В традиционных подходах к проблеме восприятия предполагается, что животные и человек воспринимают окружающую среду как обладающий известными, и в том числе пространственно-временными, свойствами материальный («физический») мир. При построении теории восприятия главная проблема видится обычно в том, как отражаются в ощущениях, а затем в чувственных образах объективные свойства воспринимаемых предметов, процессов и событий. При этом ради выявления наиболее фундаментальных закономерностей чувственного восприятия стремятся изучать функционирование органов чувственного восприятия «в чистом виде», контролируя все факторы, которые могут повлиять на результаты восприятия. Отсюда основные принципы экспериментальных лабораторных исследований чувственного восприятия разных модальностей.

Никакой анализ структуры и функционирования органов зрительного восприятия с точки зрения физической оптики и физиологии органов чувств, полагает Гибсон, не может раскрыть природу и закономерности восприятия живым организмом окружающей среды, если предварительно не выяснить, **что** воспринимает живой организм. При этом вполне естественно, что начинать необходимо не с процессов осознанного восприятия действительности человеком, а с процессов восприятия окружающей среды животными, ведущими рефлекторно-инстинктивный образ жизни. Эта среда, особенно на ранних этапах развития зрительного восприятия, не расчленена на отдельные, обладающие индивидуальными пространственными формами объекты, а представляет собой некоторую систему признаков (инвариантов) тех или иных возможностей удовлетворить определенные естественные потребности животных или подвергнуться подчас смертельной опасности. Поэтому при построении теории зрительного восприятия необходимо рассматривать восприятие животными окружающей среды в естественных условиях, когда они могут воспринимать объект с разных позиций и, в том числе, обходя его со всех сторон.

Цель восприятия окружающего мира живым организмом в теории Дж. Гибсона – это выявление объективно имеющихся в окружающем мире возможностей, т.е. того, «что он (окружающий мир. – И.Х.) предоставляет животному, чем он его обеспечивает и что

действительности, одну и ту же книгу, внося лепту в создание единой теории, и что все они, несмотря на их кажущуюся несовместимость, естественным образом дополняют друг друга» /Там же, с. 5-6/.

³¹ В годы Второй мировой войны Дж. Гибсон работал над прикладными задачами, связанными с обучением курсантов военно-воздушных училищ и, в частности, над вопросами определения расстояния до земли при посадке самолета. Вспоминая позднее об этих исследованиях, Дж. Гибсон пишет: «Велись споры, является ли восприятие глубины врожденным или этому учатся. Для ответа на этот вопрос проводились исследования и тестирование пилотов. С тех пор ничего не изменилось - и тесты и споры те же» /Гибсон, 1988, с. 214/. Над этим вопросом Дж. Гибсон много думал после окончания войны и в конечном итоге пришел к выводу, что «неверна вся теория восприятия глубины от начала до конца» /Там же/.

ему предлагает – неважно, полезное или вредное» /Гибсон, с. 188/. При этом под «возможностью» автор подразумевает «нечто, что относится одновременно и к окружающему миру, и к животному» /Там же/. Иными словами, «возможность» - это, с одной стороны, нечто объективно существующее в окружающем мире, а, с другой, имеющее значение лишь для живых организмов, или только для данного вида живых организмов, или даже только для данного индивида.

В воспринимаемом животными мире, считает Гибсон, нет пространства и времени как таковых³², а имеются, во-первых, *среда*, в которой живой организм может перемещаться; во-вторых, более или менее плотные и, как правило, не пропускающие свет *вещества*; в-третьих, *поверхности*, которые отделяют вещества друг от друга и от среды и которые в той или иной степени отражают свет. Для наземных животных средой является воздушная среда. Зрительно воспринимаемый материальный мир предстает перед ними как компоновка³³ поверхностей. В компоновке окружающего мира особо выделяются такие поверхности, как земная и отделенная от нее линией горизонта поверхность небесной сферы.

Не согласен Дж. Гибсон и с лежащим в основе сенсорно-перцептивных теорий предположением о том, что восприятие внешнего мира опосредовано ощущениями³⁴. Ощущения, считает он, сами по себе весьма бедны содержанием, причем многое из того, что имеется в объектах, теряется в ощущениях (например, объемность объектов, их третье измерение).

В экологической оптике Дж. Гибсона, так же, как в физической и физиологической оптике, носителем информации является свет. Однако у Гибсона термины «свет» и «информация» имеют особый смысл. Содержащий информацию о компоновке окружающего мира свет – это не лучи света, идущие от разных объектов и формирующие на сетчаточной поверхности глаза перевернутое изображение воспринимаемого мира, а поток света, многократно отраженный от различных поверхностей и со всех сторон пронизывающий любую точку среды. Этот световой поток Гибсон именует «*объемлющим светом*». Если в какой-то точке среды находится глаз животного, то определенная часть объемлющего света попадает в него и предоставляет животному информацию о компоновке окружающего мира. Однако информацией при этом является не та картинка, которая возникает на сетчатке глаза, а содержащаяся в «объемлющем свете» информация об инвариантных и изменяющихся свойствах компоновки. При этом извлечение органом зрения животного ин-

---

³² Понятие пространства, считает Гибсон, не имеет ничего общего с восприятием. «Геометрическое пространство, - пишет он, - это чистая абстракция. Открытое пространство можно мысленно представить себе, но его невозможно увидеть. Признаки глубины имеют отношение только к живописи. Третье визуальное измерение – это неправильное использование идеи Декарта о координатных осях» /Гибсон, 1988, с. 28/. «Пространство – это миф, привидение, вымысел геометров» /Там же/.

Аналогичным образом отвергается и временной аспект воспринимаемого мира. «Течение абстрактного, пустого времени лишено реальности для животного, хотя для физика это понятие представляет известный интерес» /с. 37-38/. «Воспринимаются события, а не время» /с. 154/.

Вместе с понятиями пространства и времени отвергаются и общепринятые представления о пространственных формах объектов материального мира, и о подчиняющиеся законам механики перемещениях объектов в пространстве.

Кажущиеся на первый взгляд абсурдными, эти высказывания в действительности вполне правомерны, поскольку в теории восприятия Дж. Гибсона речь идет, фактически, о восприятии мира животными, для которых пространство и время как таковые не имеют значения.

³³ Переведенный как «компоновка» термин «layout» (порядок, схема расположения чего-либо, планировка) играет в теории Гибсона важную роль. Согласно Гибсону, окружающий мир предстает перед животным не в виде пространства, заполненного трехмерными объектами, а в виде компоновки обладающих разной текстурой и другими свойствами поверхностей. Отдельные элементы и виды компоновок окружающего мира обозначаются Гибсоном специфическими терминами.

³⁴ Все традиционные теории восприятия исходят из представления, что «человеку ничего, кроме того, что имеется в ощущениях, не дано; ощущения – это единственное звено, связующее человека с внешним миром» /Логвиненко, 1988, с. 7/.

формации из «объемлющего света» представляет собой активный процесс, требующий многообразной подвижности органа зрения, связанной как с локомоцией животного, так и с поворотами головы и туловища и многообразными движениями глаз.

Что касается возникающей на сетчатке глаза перевернутой картинке воспринимаемого мира, то она, считает Гибсон, представляет собой не информацию, передаваемую в мозг животного, а лишь стимул, который активирует и настраивает орган зрения. Животное воспринимает не пространство, а компоновку материальных поверхностей, границы которых составляют огибающие телесных углов, своими вершинами упирающихся в глаза животного. Поэтому положение той или иной поверхности в окружающем мире определяется не пространственными координатами, а положением в системе вложенных друг в друга телесных углов.

Объемлющий свет, полагает Гибсон, и возникающий при различного рода движениях органа зрения поток стимуляции содержит неисчерпаемый объем информации об окружающем мире. Степень извлечения информации зависит от готовности животного воспринимать подобную информацию, которая (готовность) в определенной степени является врожденной, но в значительно большей степени приобретает прижизненно и поддается целенаправленному формированию в процессе обучения и накопления жизненного опыта.

Таким образом, извлекаемая глазом из объемлющего света информация по содержанию не совпадает с той перевернутой картинкой воспринимаемого мира, которая возникает на сетчаточной поверхности глаза и которая обычно рассматривается как исчерпывающий результат первичного восприятия окружающего мира глазом животного³⁵. Информация извлекается из объемлющего света и непосредственно передается в мозг, не опосредуясь ощущениями и чувственными образами. Эта информация, полагает Гибсон, -особого рода, с которой наука еще не имела дела: она не передается по нервным волокнам как некоторое закодированное сообщение и не подвергается в мозгу никакой обработке.

Можно вполне согласиться с Гибсоном в том, что содержащаяся в текущем строе стимуляции информация никем не создается и никому не передается. Природе действительно нет необходимости с нами общаться. Однако с положением о том, что извлекаемая из потока объемлющего света стимульная информация не передается в мозг по нервным волокнам и что в мозгу эта информация не подвергается никакой обработке, мы не можем согласиться. Речь, скорее, может идти о том, что при зрительном восприятии на уровне психики поступающие на сетчаточную поверхность глаза электромагнитные волны не задерживаются на этой поверхности и, не кодируясь дополнительно саккадическими движениями глаз, передаются по нервным волокнам в центральную нервную систему, где подвергаются информационной обработке.

Информация, извлеченная из потока объемлющего света, в конечном итоге интегрируется в какую-то обобщенную нейронную модель окружающего мира, которая, будучи единожды сформированной, не исчезает, а непрерывно корректируется. Тот факт, что животные хорошо ориентируются в пространстве и легко находят дорогу даже при значительном удалении от места их обитания, свидетельствует о том, что эта модель окружающего мира как единая «схема», или своего рода «карта», охватывает всю территорию, по которой когда-либо перемещалось животное, и ориентирована по странам света³⁶. На «схе-

³⁵ Весьма серьезным аргументом в пользу отрицания роли двумерного изображения на сетчатке является указание на то, что у членистоногих, обладающих сложным или фасеточным органом зрения, нет ни камеры, ни хрусталика, ни рецепторной поверхности, а имеется лишь набор плотно упакованных рецепторных трубочек – омматидий. «Каждая трубочка ориентирована в строго определенном направлении, которое отличается от остальных, что позволяет регистрировать различия в интенсивности для различных направлений» /с. 103/.

³⁶ К представлению о том, что в результате восприятия животными окружающей среды в их мозгу формируется «карта» освоенной ими территории, «мысленный план» конкретного участка или лабиринта, в который помещают экспериментаторы животных, пришли многие исследователи, изучавшие поведение животных в экспериментальных и естественных условиях. Так, о «когнитивной карте» (или «мысленном плане»), отражающей все характеристики лабиринта, писал Э. Толмен; Дж. Гудолл указывает на хранящуюся в памяти шимпанзе «карту» всей территории (24 кв. км.) заповедника Гомбе. Многочисленными исследованиями установлено, что птицы семейств врановых (Cervidae) и синицевых (Paridae) осенью откладывают в

ме», по-видимому, имеются фиксированные точки значимых для животного мест и при необходимости возникают маршруты, соединяющие их с местом сиюминутного положения на земле³⁷.

Можно предположить, что «карта» местности содержится в мозгу животного как бы в «распыленном» в определенных областях мозга виде, примерно так, как в светочувствительном слое голографического снимка содержится образ снятого объекта. К тому же существующая в мозгу животного «схема» территории – это не просто план местности, а гораздо более сложное образование, это, скорее, «план-макет», содержащий в себе «компоновки» поверхностей всех находящихся в этой местности стабильных объектов, а также следы характерных запахов и, возможно, каких-то иных признаков отдельных особенно значимых для животного мест³⁸. Поэтому для нахождения дороги до нужного места и опознания предметов животное не нуждается в такой памяти, из которой было бы необходимо «доставать» образы прошлого и сличать их с образами воспринимаемых объектов³⁹. В обобщенной «схеме», или «плане-макете», «освоенной» животным территории в каждый данный момент времени как бы «высвечивается» и актуализируется во всей полноте информация об ограниченной горизонтом видимости области сиюминутного нахождения животного. Но это означает, что «в психике» животного нет прошедшего времени, т.е. следы прошедших событий не хранятся в памяти в их временной последовательности, а актуализируются как данные в непосредственно текущий момент настоящего времени свойства окружающей среды.

Завершая изложение теории извлечения стимульной информации из текущего строя объемлющего света, Гибсон пишет, что воспринимать, согласно этой теории, – «значит фиксировать определенные параметры инвариантности в стимульном потоке наряду с определенными параметрами возмущения» /с. 354/. При этом инварианты задают «как постоянство окружающей среды, так и постоянство наблюдателя» /Там же/, а возмущение задает изменения и окружающей среды, и изменения самого наблюдателя. Наблюдатель «осознает свое существование в постоянном окружающем мире, а также свое движение относительно окружающего мира, наряду с движением объектов и нежестких поверхностей относительно окружающего мира» /с. 354/ (Выделено нами. – И.Х.). При этом Гибсон поясняет: «термин осознание используется здесь в смысле прямого извлечения информации и не подразумевает обязательного участия сознания» /с. /..

При таком использовании термина «осознание» развитая Гибсоном теория восприятия как «прямого извлечения информации» оказывается применимой для описания процессов восприятия окружающего мира как животными, так и человеком на уровне досознательной психики. Весьма показательно, что во всех фрагментах, в которых автор характеризует объекты и цели восприятия, речь идет преимущественно о животных.

Однако Дж. Гибсон полагал, что разработанная им теория зрительного восприятия является теорией восприятия окружающего мира человеком, призванной заменить все традиционные теории перцептивного восприятия. В действительности теория Дж. Гибсона

разных местах небольшие запасы пищи, а зимой и весной точно их находят, что также свидетельствует о наличии у птиц достаточно подробного «плана» освоенной ими территории (См.: /Зорина, Полетаева, 2001, с. 30, 93-98/).

³⁷ Эта «схема» освоенной животным территории сродни заложенной в память крылатых ракет карте местности, которая позволяет при полете на предельно низкой высоте облетать все препятствия и точно выходить на заданную цель.

³⁸ Именно в этом сохранении на «плане-макете» следов имеющих значение для животного запахов заключается, на наш взгляд, механизм функционирования системы разметок животным своей территории.

³⁹ Что касается отсутствия образности при восприятии окружающего мира на уровне психики, то это объясняется также и тем, что для животных основные цели восприятия – это выявление возможностей удовлетворения различных естественных потребностей и своевременное обнаружение и успешное избегание или преодоление подстерегающих опасностей. При этом не имеет особого значения индивидуальный облик пригодной для пищи жертвы или пригодного для полового сношения партнера. Точно так же, по-видимому, не имеет значения конкретный индивидуальный облик смертельно опасного врага.

описывает восприятие на уровне психики и не затрагивает процессы восприятия на уровне человеческого сознания. Поэтому далеко не случайно, что попытки Дж. Гибсона распространить свою теорию на функции осознанного восприятия человеком объективно-реальной действительности оказались весьма искусственными и неубедительными.

Механизм восприятия окружающей среды на уровне досознательной психики не только сохраняется у человека, но получает дальнейшее развитие, функционирует наряду с образным восприятием на уровне сознания и с необходимой степенью точности обеспечивает информацией все те компоненты поведения и деятельности, включая и профессиональную деятельность, которые часто выполняются автоматически, без контроля со стороны сознания. Более того, и в тех действиях, которые выполняются человеком осознанно, имеются не контролируемые сознанием элементы, требующие точного восприятия пространственных параметров окружающих человека предметов⁴⁰.

Восприятие окружающей среды на уровне психики составляет своего рода неосознаваемый, абсолютно необходимый «фон», на котором протекает образное восприятие человеком окружающей действительности на уровне сознания. Важно при этом подчеркнуть, что между «фоновым» восприятием на уровне психики и образным на уровне сознания нет непреодолимых границ. В частности, многие результаты восприятия на уровне психики могут подниматься до уровня сознания как проявления своего рода пространственной интуиции. И наоборот, тренировка восприятия на уровне сознания может приводить к повышению точности и тонкости восприятия на уровне досознательной психики. При этом такие важные для сиюминутных практических действий человека пространственные параметры окружающей среды, как расположение предметов относительно друг друга, относительные расстояния между ними и абсолютные расстояния до ближайших предметов, «воспринимаются непосредственно» и очень быстро через восприятие изменений фактуры удаляющихся вдаль плоскостей, через относительные смещения очертаний предметов при перемещениях в пространстве органа зрения человека и т.д.

§ 2. Субъективное пространство

Рассмотренные нами явления истерической слепоты и истерической глухоты свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что при зрительном и слуховом восприятии⁴¹ на уровне сознания у человека возникает внутреннее, субъективное зрительное и слуховое пространство, в котором локализуются чувственные образы зрительно воспринимаемых объектов и источники воспринимаемых звуков. Однако насколько справедливо представление о том, что мы воспринимаем объективно-реальную действительность опосредованно, через отражение воспринимаемых объектов материального мира в чувственных образах, локализованных в субъективном пространстве нашего сознания? Не является ли более правильным представление, согласно которому мы непосредственно видим, слышим, осязаем сами существующие в объективном пространстве материальные предметы?

---

⁴⁰ К таким действиям относятся, например, многие очень быстрые и точные движения спортсменов, для которых малейшая ошибка в оценке расстояний может оказаться трагической.

⁴¹ Термин «восприятие» имеет несколько значений. Во-первых, восприятие – это весь сложный процесс, который начинается с взаимодействия рецепторов органов чувств (непосредственно или опосредованно через электромагнитные и звуковые волны) с объектом восприятия, включает в свой состав кодирование информации на рецепторах, передачу закодированной информации в центральную нервную систему, сложную обработку этой информации в центральной нервной системе и интеграцию ее в ощущения и чувственные образы. Во-вторых, термин «восприятие» нередко используется для обозначения возникающего в результате процесса восприятия чувственного образа воспринимаемого объекта. И, наконец, в-третьих, под «восприятием» иногда понимается начальный этап описанного выше процесса, а именно момент возбуждения рецепторов органов чувств воспринимаемыми объектами материального мира. В настоящей работе термин «восприятие» мы будем использовать преимущественно в первом из указанных трех значений.

О том, что многие чувственно воспринимаемые качества материальных объектов присущи не самим объектам материального мира, а возникают только в органах чувств, известно давно. Это так называемые вторичные качества, такие, как цвет, запах, вкус.

На первый взгляд, кажется, что совершенно иначе обстоит дело со зрительным восприятием пространственных характеристик предметов материального мира. Однако уже элементарные зрительные иллюзии и галлюцинации свидетельствуют о том, что зрительно воспринимаемый мир материальных объектов вместе с объективным пространством, в котором эти объекты расположены, воспринимается и осознается человеком опосредованно, через его отражение в субъективном мире чувственных образов, находящихся в субъективном пространстве человеческого сознания. И если в случае зрительных иллюзий еще можно считать, что мы непосредственно видим сами материальные объекты, а возникающие при этом искажения говорят лишь о нарушениях процесса восприятия, то галлюцинации уже невозможно объяснить подобным образом, поскольку при галлюцинациях «воспринимаются» расположенными в объективном пространстве мнимые предметы, которых в данный момент не существует в воспринимаемом человеком объективном мире⁴².

Видимо, нет необходимости доказывать, что галлюцинаторный объект не может существовать в объективном пространстве. Для нас важно здесь подчеркнуть то обстоятельство, что галлюцинаторный объект воспринимается субъектом расположенным среди объективно существующих предметов материального мира. Это свидетельствует о том, что человек видит не сами расположенные в объективном пространстве материальные вещи, а возникающие в субъективном пространстве его сознания чувственные образы этих вещей.

Воспринимая различные звуки, мы ясно слышим, например, полет комара, звук мотоцикла на улице, лай собаки во дворе и т.д. и, как правило, узнаем источники этих звуков, даже если в данный момент их не видим. Но если мы слышим неизвестные нам звуки, то можем идентифицировать их ошибочно. И, наоборот, мы можем идентифицировать знакомые нам звуки с их обычными источниками, даже если они вызваны какими-то не видимыми нами искусственными средствами. Из этих фактов следует, что звуки идентифицируются в головном мозгу, а, следовательно, слуховое пространство, в котором локализируются источники воспринимаемых звуков, возникает и существует только в сознании человека. В объективно-реальной действительности имеются лишь колебания воздушной среды в диапазоне звуковых частот, которые с точки зрения их физических качеств мало чем различаются между собой. Причем определенный диапазон колебаний воздушной среды выделен как звуковой не сам по себе, а специфическим устройством органа слуха человека. Хорошо известно, что существуют живые организмы, для которых звуковым диапазоном является иной диапазон колебаний воздушной или другой среды обитания, и вполне естественно, что, обладая сознанием, они имели бы звуковую «картину мира», существенно отличную от звуковой картины мира человека.

Убедительные доказательства существования в нашем сознании субъективного пространства дают клинические наблюдения за пациентами с локальными поражениями головного мозга. Весьма интересны в этом плане работы нейрофизиолога Н.Н. Брагиной и

---

⁴² Яркий пример галлюцинации приводит М. Хайдеггер. «Допустим, - пишет он, - некто охвачен галлюцинацией. Галлюцинируя, он видит здесь, в этой аудитории, как по ней разгуливают слоны. Он воспринимает эти объекты, хотя в наличии их нет. Но он воспринимает их и в восприятии на них направлен. Мы имеем здесь дело с направленностью на объекты без того, чтобы эти объекты оказывались наличными. Они, говорим мы, не таковы, они существуют как наличные только мнимым образом, для галлюцинирующего. Но эти объекты могут быть даны галлюцинирующему, пусть мнимым образом, только потому, что его акт восприятия в галлюцинации устроен так, что в этом восприятии нечто может быть встречено, поскольку акт восприятия в себе самом есть способ соотноситься-с, отношение к объекту, будь то действительный объект или мнимо наличный» /Хайдеггер, 2001, с. 76/. Таким образом, согласно М. Хайдеггеру, то обстоятельство, что существующие только в сознании человека мнимые галлюцинаторные объекты воспринимаются как реально существующие во внешнем объективном пространстве, обусловлено интенциональностью человеческого сознания, т.е. «устремленностью на...» внешний объект.

психиатра Т.А. Доброхотовой, в которых обобщены результаты их собственных наблюдений и проанализирован большой объем литературных данных /Брагина, Доброхотова, 1990, 1988, 1981, 1978, 1977; Доброхотова, Брагина, 1993, 1986, 1977, 1975/.

Авторы отмечают, что субъективное пространство обладает способностью быть в разной степени актуальности: от полного исчезновения при некоторых состояниях человека до полной ясности, максимальной адекватности внешнему объективному пространству и высокой степени четкости и точности пространственной ориентации личности. Это свойство индивидуального пространства быть как бы более или менее актуальным, которое авторы обозначают как "непостоянство степени его актуализации (наличности)" /Брагина, Доброхотова, 1988, с. 148/, имеет место даже у здорового человека, но наиболее ярко выражено у некоторых больных с локальными поражениями коры головного мозга. "При патологии правого полушария мозга правши оно (т.е. внутреннее индивидуальное пространство. - И.Х.) может "ослабляться" или "исчезать". Каждой степени актуализации сопутствует, по-видимому, определенное количество психической деятельности. При "исчезновении" пространства возможно возникновение онейроидного состояния⁴³, "вспышки пережитого" наряду с перерывом восприятия объективной действительности. Необходима достаточная степень актуализации этого пространства для того, чтобы полным и адекватным было восприятие всех явлений объективного пространства" /Там же, с.148/.

Еще более убедительно свидетельствует о существовании субъективного пространства асимметрия правой и левой его частей. Вывод о неравенстве, асимметрии правой и левой частей субъективного пространства Н.Н. Брагина и Т.А. Доброхотова делают на основе изучения так называемого синдрома «левостороннего пространственного игнорирования», возникающего у правшей при некоторых поражениях правого полушария. Основным клиническим проявлением этого синдрома является «игнорирование всех (зрительных, слуховых, осязательных) стимулов, находящихся вне больного или в пространстве его собственного тела слева» /Брагина, Доброхотова, 1988, с. 168/. Уже первые наблюдения за больным, когда он из двух врачей, расположившихся слева и справа, видит и слышит только того, который находится справа, показывают, что левостороннее пространственное игнорирование - это не просто нарушение процесса зрительного восприятия объективного пространства и формирования "перцептивного пространства" (как можно было бы считать в случае, если то, что мы называем субъективным (индивидуальным) пространством, было бы простым "отражением в сознании" внешнего объективного пространства), а нарушение или деформация именно внутреннего, субъективного пространства.

Об этом свидетельствуют следующие отмеченные авторами особенности этого феномена:

1) левостороннее пространственное игнорирование носит комплексный характер: нарушается не только зрительное, но и слуховое и тактильное пространство.

2) игнорирование левой половины пространства касается не только восприятия объективного пространства, но и мысленного воспроизведения ранее воспринятых объектов в субъективном пространстве⁴⁴.

3) при левостороннем пространственном игнорировании для больного исчезает не только левая половина внешнего объективного пространства, но и то пространство, которое занимает левая половина его тела. При этом он перестает воспринимать как зрительно, так и осязательно всю левую половину своего тела, перестает заботиться о левой половине тела, пользоваться левой рукой даже тогда, когда без нее трудно обойтись//.

⁴³ Онейроид /гр. *oneiros* – сновидение, *eidos* - вид/ - расстройство сознания, характеризующееся причудливой смесью фрагментов отражения реального мира и всплывающих в сознании сходных со сновидениями ярких фантастических представлений.

⁴⁴ Авторы приводят результаты исследований итальянских ученых, которые, изучая способности больных с синдромом левостороннего пространственного игнорирования, предлагали мысленно представить хорошо знакомую им площадь в Милане. При этом обнаружилось, что больные не могут описать левую сторону площади (Цит. по: / Брагина, Доброхотова, 1988, с.152/).

4) больные явно не осознают ущербность своего восприятия объективного пространства: воспринимаемая ими правая половина пространства заполняет все их субъективное пространство. Иными словами, из правого полупространства им некуда выйти, ибо нет никакого левого полупространства.

О действительном существовании субъективного пространства свидетельствуют и многие другие виды психических расстройств, при которых изменяются пространственные представления человека. В этом отношении весьма интересны такие трансформации субъективного пространства, которые, оставаясь скрытыми от самого субъекта, весьма существенным образом влияют на его поведение и деятельность. Так, при некоторых поражениях головного мозга у левой возникают не всегда осознаваемые ими зеркальные формы деятельности, такие, как зеркальное письмо, зеркальные движения, зеркальное чтение и др. (См.: /Брагина, Доброхотова, 1988, с. 116-127/).

Тот факт, что подобные трансформации субъективного пространства не всегда осознаются самим субъектом, объясняется тем, что для субъекта наличное в данный момент субъективное пространство при любых его деформациях и изменениях остается, как правило, единственным актуально данным ему пространством. Исключение может представлять так называемое состояние «двухколейности переживаний», при котором больной, вполне осознавая свое настоящее положение и беседуя с врачом, одновременно очень ясно переживает события какого-то периода своей прошлой жизни. Подобное состояние говорит о том, что субъективное (индивидуальное) пространство способно как бы «расщепляться» таким образом, что один его экземпляр продолжает отражать в себе пространственные свойства воспринимаемой в данный момент объективной реальности, а другой соответствует пространственным свойствам вызываемых из памяти объектов прошлого.

Весьма убедительным аргументом в пользу существования субъективного пространства является возможность полной виртуализации человеческого сознания при помощи специальных компьютерных программ и соответствующего электронного оборудования. Не вдаваясь в этимологический анализ термина «виртуальный», мы лишь отметим, что наиболее широкое распространение этот термин получил после выхода в свет в начале 80-х годов рекламных публикаций Жарона Ланье - разработчика первых электронных устройств и программного обеспечения компьютеров, способных искусственно формировать содержание субъективной реальности в сознании пользователей компьютеров и электронных устройств. Именно это искусственно моделируемое содержание субъективной реальности и было названо «виртуальной реальностью». Раскрывая сущность «виртуальной реальности», Л. П. Гримак пишет: «...термин «виртуальная реальность» (ВР) предполагает наличие некоторого искусственного мира, в который погружается и с которым взаимодействует человек, причем создается этот мир технической системой, способной не только подавать комплексную стимуляцию на его органы чувств, но и адекватно реагировать на ответные речевые и двигательные реакции субъекта. Необходимо отметить, что в явлениях ВР осуществляется известная закономерность функционирования центральной нервной системы, хорошо сформулированная в свое время Х. Дельгадо: «Единственная возможность поддерживать контакт с внешней средой... состоит в превращении физических и химических явлений окружающего мира в химические и электрические процессы на уровне наших органов чувств. Мозг вступает в контакт не непосредственно с окружающей действительностью, а только с ее символическим кодом, который передается по нервным путям»⁴⁵. В виртуальной реальности мозг действительно «вступает в контакт с символическим кодом», который продуцируется компьютерной системой по определенной программе и порождает ирреальный мир, существующий лишь в представлении индивидуума» /Гримак, 1997, с. 100/.

Последующие исследования показали, что виртуализация сознания связана не только с погружением человека в компьютерную виртуальную реальность, а имеет более широкое распространение. Достаточно полная виртуализация сознания происходит при воз-

⁴⁵ /Дельгадо, 1971, с. 156/.

действии на человека наркотиков, алкоголя и некоторых других психотропных веществ, в ситуациях сенсорной депривации при космических полетах, при некоторых психических расстройствах. Более или менее ярко выраженный характер виртуальной реальности способно обретать содержание человеческого сознания и при состоянии творческого возбуждения, при религиозно-мистических экстазах и т.д. В определенной степени виртуализировать сознание можно, воздействуя при помощи философских и религиозно-мистических учений, естественнонаучных концепций, художественной литературы, искусства, музыки.

Но, несомненно, наиболее мощным средством воздействия на процессы формирования субъективной реальности, позволяющим полностью и наперед заданным образом изменять ее содержание, является компьютерное моделирование виртуальной реальности⁴⁶.

В настоящее время исследования в области виртуальной реальности вышли далеко за пределы проблем компьютерной виртуальной реальности и охватили гносеологические проблемы научного познания, социологии, социальной политики, политтехнологий, культурологии, этики, эстетики и т.д., поскольку выяснилось, что практически во всех сферах жизни и деятельности человек в более или менее явном виде сталкивается с элементами виртуальности⁴⁷.

Субъективное пространство не возникает автоматически при зрительном восприятии окружающей действительности, а представляет собой результат длительного восприятия мира не только при помощи органов зрения, но и других органов чувств и прежде всего органов осязания. Кроме того, в формировании субъективного пространства и его масштабного соответствия воспринимаемому объективному пространству важную роль

---

⁴⁶ Как пишет Л.П. Гримак: «... «Дьявольская» особенность ВР состоит в том, что в ней реально работают обратные связи от нереальных, существующих лишь в математическом пространстве компьютера мнимых объектов. В результате здоровое бодрствующее сознание, погружаясь в ситуацию, порождаемую ВР, вынужденно вводится в состояние тотального галлюцинаторного процесса. Такого рода воздействия на психику человека, если они проводятся без врачебного контроля, нельзя считать в полной мере безвредными. Во всяком случае, до настоящего времени эти явления были свойственны особым состояниям психики, возникающим в результате заболеваний или употребления некоторых наркотических веществ» /Гримак, 1997, с. 101/.

⁴⁷ Следует заметить, что возрастание роли виртуальных объектов, структур и систем в разных сферах жизни и деятельности людей, с одной стороны, стимулирует становление новой области человеческого познания – виртуалистики, а с другой - вызывает к жизни разного рода мистификации виртуальной реальности. В качестве примера подобной мистификации укажем на концепцию доктора психологических наук Н.А. Носова.

Н.А. Носов считает, что современная наука способна описывать только однотипное поведение «природных» объектов под действием таких универсальных сил, которые везде действуют по одному и тому же закону, и не может описать действие внутренних сил отдельного предмета /Носов, 1997 b, с. 72/. Современная философия, считает он, также «не имеет средств мыслить действующие вещи. Это связано с тем, что философия с античных времен работает только с вечными абсолютными сущностями, т.е. с тем, что «существует» и не может концептуализировать события (действия), существующие лишь временно и в частичной, а не во всеобщей форме, или говоря в другом аспекте - деятельном, энергийном; философия не может найти механизм энергетической связи всеобщей абсолютной сущности с активностью единичных предметов» /с. 73-74/. Только схоластическая философия, пишет автор, «вплотную занялась проблемой связи абсолютной реальности и частного поведения. Для обозначения актуальной действующей силы использовался термин *virtus*» /с. 74/.

Применительно к живой материи, полагает автор, такой механизм определяется понятием «душа», через которую осуществляется связь тела с абсолютной реальностью, и эта связь проявляется в виде виртуальных сил (*virtus*), обеспечивающих активность живых организмов, а в высшей своей форме творческую активность человека. Поскольку «абсолютная реальность» и «виртуальные силы», считает Н.А. Носов, сами по себе недоступны научному познанию и их можно постигать только в рамках теологии и схоластической философии, то и «механизм» «энергетической связи всеобщей абсолютной сущности с активностью единичных предметов» следует, видимо, рассматривать не как объект естественнонаучного исследования, а как предмет теологических рассуждений и схоластического философствования.

играет практическое преодоление человеком расстояния до зрительно воспринимаемых объектов⁴⁸.

Итак, мы пришли к выводу о том, что у человека имеются два уровня и соответственно два механизма зрительного и слухового восприятия, один из которых соответствует уровню сознания, а другой - уровню досознательной психики. При восприятии на уровне сознания у субъекта возникает «**внутреннее**», т.е. не существующее как таковое в объективном пространстве материального мира и поэтому недоступное для непосредственного наблюдения извне **субъективное зрительное и слуховое пространство**⁴⁹, в котором локализуются чувственные образы зрительного восприятия и не всегда видимых, но более или менее ясно представляемых источников воспринимаемых звуков, тогда как на уровне досознательной психики зрительная и звуковая информация непосредственно вовлекается в процессы программирования и реализации программ поведения и деятельности.

§ 4. Субъективное время

Широкое распространено представление, согласно которому время – это нечто существенно объективное, существующее либо как некая самостоятельная сущность, либо как атрибутивное свойство материи и материальных процессов, тогда как в сознании человека имеет место лишь отражение объективного времени и ни о каком обладающем самостоятельным бытийным статусом субъективном времени не может быть и речи⁵⁰.

Но если считать, что время – это нечто объективное, то возникает сложный вопрос: где и как существуют прошедшее время и будущее время, которые наряду с настоящим временем должны рассматриваться как модусы единственного реально существующего объективного времени.

В истории философии и естествознания было немало попыток объективировать прошедшее и будущее и представить их столь же объективно существующими, как и настоящее время.

Так, еще задолго до возникновения теории относительности и ее геометрического истолкования Г. Минковским идея многомерности мироздания, в котором одним из измерений является время, использовалась религиозными мистиками для «объяснения» того, где и как существуют ангелы и другие неподвластные времени существа⁵¹.

---

⁴⁸ Любопытно в этом отношении свидетельство Гельмгольца о том, что он в детстве не имел правильных представлений о масштабах объективного пространства. Он пишет: «Я помню сам, как будучи еще ребенком, я проходил мимо церковной башни (гарнизонная церковь в Потсдаме), видел на ее галерее людей, которых я принимал за кукол, и просил мою мать снять их мне оттуда, причем я думал, что ей достаточно для этого протянуть руку. Эта черта врезалась мне в память, и благодаря тогдашней моей ошибке мне стал более ясным закон перспективного уменьшения» (Цит. по: /Бюлер, 1924, с. 161/). Комментируя свидетельство Гельмгольца, К. Бюлер отмечает, что автор не указал возраст, и высказывает предположение, что «... это могло быть либо на третьем, либо на четвертом, либо на пятом году» /Там же/.

⁴⁹ Зрительный и слуховой компоненты субъективного пространства относительно самостоятельны. У человека с нормальным зрением и слухом на первый план обычно выступает зрительное пространство, тогда как слуховой компонент слабо осознается. У слепых, и особенно слепорожденных людей, слуховое пространство, дополненное тактильным пространством источников тепла, играет такую же важную роль, какую у зрячего человека играет зрительное пространство. Поэтому при рассмотрении проблемы субъективного пространства следует вести речь о едином зрительно-тактильно-слуховом пространстве и именно его именовать субъективным пространством человеческого сознания. Поскольку исследование субъективного пространства не является основной задачей нашей работы, то мы в дальнейшем ограничимся рассмотрением лишь зрительного субъективного пространства.

⁵⁰ Именно с этой точки зрения, не всегда явно обозначая ее, рассматривают обычно «восприятие времени» в психологии. См., например: /Элькин, 1962; Рубинштейн, 1946/.

⁵¹ Еще в XVII в. Кембриджский платоник Генри Мор (1614-1687) выдвинул идею четырехмерности реального пространства, причем духи, считал он, имеют, в отличие от людей, четыре измерения /More H. Enchiridion meta physicum. - London, 1671, p. (Цит. по: /А.М. и М.В. Мостепаненко, 1966, с. 9/).

Идея объективно-реальной четырехмерности мироздания некоторыми мистиками отстаивалась как научное решение вопроса о структуре мироздания и характере существования человека, воспринимающего статичный четырехмерный мир в виде развивающегося во времени трехмерного материального мира.

В качестве примера укажем на трансцендентально-кинетическую теорию времени мистика М. Аксенова, который в 1896 году в работе «О времени. Трансцендентально-кинетическая теория времени» и в ряде более поздних произведений (См.: /Аксенов, 1896, 1912, 1913/) развивал целую философскую систему, основной идеей которой является четырехмерность объективного мира. Согласно этой философии, «все объекты нашего восприятия простираются и в четвертое измерение, так что трехмерные для нас объекты на самом деле четырехмерны... Все объекты четырехмерного пространства пребывают в абсолютном покое, воспринимающее же в нас начало непрерывно совершает несознаваемое нами движение в направлении четвертого измерения, по нормали к нашему трехмерному миру... Если четырехмернопространственный объект тождествен в направлении четвертого измерения, будут тождественны и все его перпендикулярные этому направлению трехмерные сечения, и нам будет казаться, что представляющий одно из таковых сечений воспринимаемый нами соответственный объект пребывает неизменным; если же вышепоименованный объект в направлении четвертого измерения не тождествен, будут не тождественны и все вышепоименованные его сечения, и нам будет казаться, что представляющий одно из таковых сечений воспринимаемый нами соответственный объект изменяется. Это относится как к изменению качественному, так и к изменению количественному...», «... явление изменения и уничтожения есть иллюзия, порождаемая трехмерностью нашей природы и непрерывным движением воспринимающего в нас начала в недоступном нашему восприятию пространстве» /Аксенов, 1896, с. 4, 5-6/.

В начале XX столетия установление тесной взаимосвязи пространственных и временных свойств материального мира многими мыслителями было воспринято как доказательство того, что объективно-реальный мир актуально четырехмерен. Этому способствовали некоторые неосторожные и философски несостоятельные заявления ученых – физиков и математиков, активно участвовавших в создании и развитии теории относительности (например, известное заявление Г. Минковского о пространстве и времени как тенях единого пространства-времени /Минковский, 1914.), а также некоторых популяризаторов этой теории⁵². Поэтому не удивительно, что такой мистик, как М. Аксенов, воспринял появление специальной теории относительности чуть ли не как плагиат его идеи объективного четырехмерного пространства-времени и требовал, по крайней мере, признания его приоритета в развитии теории, в основных чертах тождественной, как он считал, теории относительности⁵³.

Однако не следует думать, что объективация четырехмерного пространства-времени – это особенность мировосприятия мыслителей прошлого, по крайней мере, периода возникновения и становления теории относительности А. Эйнштейна. Представление об актуальном существовании времени по всей его длине как одного из объективных измерений мироздания, отстаивалось и значительно позже.

В 1960-1970-х годах известный астрофизик А.Н. Козырев развивал концепцию, согласно которой четырехмерный пространственно-временной континуум – это не просто математическая модель мироздания, а сама объективно-реальная действительность, в которой при помощи телескопов, приспособленных для восприятия изменений «физических характеристик времени» можно наблюдать даже те положения небесных светил на небесной сфере, которые они будут занимать в будущем, когда до них дошел бы световой сигнал, испущенный наблюдателем в момент наблюдения (См.: /Козырев, /)..

В 1988 г. известный космолог И.Д. Новиков обсуждал возможность построить машину времени при помощи мощных гравитационных полей /Новиков, 1988, с. 3-4/.

Представление о том, что согласно специальной теории относительности материальный мир актуально четырехмерен и что в нем будущее и прошлое существуют в том же смысле, в каком существует настоящее время, существует по сей день. При этом в качестве аргумента иногда указывают на то обстоятельство, что в разных инерциальных системах отсчета меняется угол наклона плоскости, перпендикулярной к оси времени, в результате чего изменяется положение событий относительно этой плоскости. Интерпретируя эту плоскость как отделяющее прошедшее от будущего настоящее, говорят, что события в разных инерциальных системах отсчета не могли бы относиться к разным фазам времени, если бы эти события актуально не существовали в объективно-реальной действительности.

⁵² Так, например, в книге Ауэрбаха «Пространство и время. Материя и энергия. Элементарное введение в теорию относительности» популярное изложение идеи четырехмерного пространства-времени как две капли воды похоже на «учение» М. Аксенова об объективной реальности как четырехмерном сверхпространстве (см. гл. 1, § 5 «Понятие времени. Четырехмерный мир» книги А. Ауэрбаха).

⁵³ См. предисловие книги М. Аксенова «Опыт метагеометрической философии» /Аксенов, 1912/.

При этом, однако, забывают о том, что в СТО настоящее время как отделяющее прошлое от будущего мгновение существует только в виде точки в начале координат, т.е. в вершине светового конуса, в пределах которого только и имеет место однозначное деление событий на прошедшие, настоящие и будущие. Что касается событий, находящихся вне светового конуса, то все они квазиодновременны с событием, находящимся в вершине светового конуса, поскольку разделяющий их пространственно-временной интервал пространственноподобен. Иными словами, любое из этих событий в какой-то из потенциально возможных инерциальных систем отсчета является «одновременным» с событием в вершине конуса, т.е. в этой системе отсчета временная составляющая разделяющего их пространственно-временного интервала оказывается равной нулю.

Итак, вопрос о том, где и как существуют прошедшее время и будущее, не потерял своей актуальности. Более того, как полагает Ю.Б. Молчанов, вопрос о том, «куда девался вчерашний день?» останется актуальным, даже если будут решены все «временные вопросы» (например, о направлении и необратимости времени, о его размерности, конечности или бесконечности, локальности или универсальности, прерывности или непрерывности), «но не будет дано ответа на вопрос, какими объективно реальными параметрами или характеристиками отличается бытие событий прошлого от бытия событий настоящего (а возможно, и будущего)», или же какими «объективно реальными свойствами определяется отношение “до-после” или “раньше-позже” и принадлежность тех или иных событий к сфере, или области “раньше», или к сфере, или области “позже”...» /Молчанов, 1990, с. 8/.

При абсолютизации физического времени и представлении, будто измеряемое общепринятыми единицами физическое время и есть универсальное «время вообще», а физическая теория, в которой выясняются взаимосвязи физического параметра “*t*” с другими параметрами физической реальности, и есть теория времени⁵⁴, кажется вполне резонным требовать от физической теории предоставления объективных критериев, отличающих прошедшие события от событий текущего настоящего времени и полагать, что поскольку таких критериев теоретическая физика предоставить не может, то не исключена возможность того, что на каких-то интервалах мирового пространственно-временного континуума продолжают существовать прошедшие события.

Вопрос о том, где и как существует прошедшее время, особенно тщательно обсуждается философами-экзистенциалистами. И это вполне понятно, поскольку основной объект их исследования – это осознанное бытие человека, которое невозможно без осознания человеком своего прошлого и предвидения будущего.

Вот что писал по поводу бытия прошлого Жан-Поль Сартр (1905-1980) в своем основном философском труде «Бытие и ничто» (1943): «Всякая теория памяти подразумевает в качестве предпосылки бытие прошлого. Эта предпосылка, которая никогда не была прояснена, затемняла проблему памяти и проблему временности вообще. Нужно, следовательно, поставить хотя бы один раз вопрос: каким является бытие прошлого бытия?» / Сартр, 2000, с. 137/. В этом вопросе, отмечает автор, у здравого смысла имеются две одинаково расплывчатые концепции. «Прошлого, говорят, больше нет. С этой точки зрения, по-видимому, хотят приписать бытию только настоящее. Эта онтологическая предпосылка породила известную теорию мозговых следов; поскольку прошлого больше нет и оно провалилось в ничто, но память о нем продолжает существовать, то это должно происходить в качестве *настоящего* изменения нашего бытия; например, это будет след в настоящем, оставленный на группе мозговых клеток. Таким образом, все есть настоящее: тело, настоящее восприятие и прошлое как настоящий след в теле; все находится в *действии*, поскольку след не имеет потенциального существования *в качестве* памяти; он полностью является *настоящим* следом» /с. 137-138/. Такую точку зрения Ж.П. Сартр характеризует как мгновенный и вневременной психофизиологический параллелизм и пишет, что если все есть настоящее, то как объяснить тот факт, что сознание вспоминает, выходит за пределы настоящего, «чтобы иметь в виду событие, где оно *было*» /с. 138/. Автор совершенно резонно отмечает, что «нет никакого средства отличить представление от восприятия,

⁵⁴ Подобных представлений придерживаются многие философы и естествоиспытатели, см., например: /Рейхенбах, 1962; Чернин, 1987/.

если сначала сделали из него воспроизведенное восприятие», и что в еще большей степени мы лишены средства отличить память от представления.

Вместе с тем обыденное сознание не может легко отделаться и от представления о реальном существовании прошлого и допускает другую концепцию, «согласно которой прошлое будет как бы иметь вид почетного существования. Быть прошлым для события – значит просто получить отставку, потерять действенность, не теряя бытия» /с. 139/. При таком представлении, пишет Ж.П. Сартр, восстанавливается бытие прошлого, но при этом остается не разъясненным, как это прошлое, «оставшееся “на своем месте”, в своем времени навечно», «может “возродиться”, преследовать нас, короче говоря, существовать *для нас*. <...> Имеет ли оно собственную силу? Но эта сила тогда представлена в настоящем, поскольку она действует на настоящее? Каким же образом вытекает она из прошлого как таковая?» /с. 139/.

Причину возникающей тупиковой ситуации Ж.П. Сартр видит в том, что и при признании и при отрицании реального существования прошлого оказываются разорванными связи между прошлым и настоящим. Выход автор видит в восстановлении этой связи. Для этого необходимо, чтобы мое вчерашнее прошлое выступало «как трансцендентность позади моего сегодняшнего настоящего» /с. 141/.

Поясняя свою точку зрения, автор пишет: «Если ... я говорю о Поле, что он *был* однажды или что он *был* в течение продолжительного периода учеником Политехнической школы, то как раз о том Поле, который *есть* в настоящем и о котором я говорю также, что ему сорок лет. Это не юноша, который *был* в Политехнической школе. О последнем, пока он *был*, нужно говорить: он *есть*. Это как раз тот сорокалетний, который *был* им. По правде говоря, человек тридцати лет также *был* им. Но чем был бы этот человек тридцати лет, со своей стороны, без сорокалетнего, который им *был*?» /с. 141/. Аналогичным образом Ж.П. Сартр связывает прошлое уже не существующего объекта или человека с настоящим человека, имеющего память об этом объекте или об этом уже не существующем человеке. «... О Пьере, который умер, я могу сказать: “он любил музыку”. В этом случае как субъект, так и атрибут находятся в прошлом» /с. 142/. При этом прошлое Пьера является Прошлым благодаря тому, что «это есть прошлое *моей* действительности. И на самом деле Пьер был для-меня, и я был для-него... Таким образом, конкретные исчезнувшие объекты являются прошлым, поскольку они составляют часть конкретного прошлого субъекта, живущего сейчас» /с. 142/.

Но все ли существующие вещи имеют прошлое? - спрашивает Ж.П. Сартр и отвечает, что «иметь прошлое» - это весьма своеобразное понятие и что далеко не все существующие объекты имеют прошлое. «Прошлое есть только для настоящего, которое не может существовать, не будучи там, позади себя, своим прошлым, то есть лишь те существа имеют прошлое, в бытии которых ставится вопрос об их прошлом бытии, которые *имеют в бытии* свое прошлое» /с. 143/. Таково существование только человека, считает Ж.П. Сартр, и поэтому только для Человеческой Реальности обнаруживается существование прошлого.

Следовательно, с точки зрения Ж.П. Сартра, физико-химические системы неживой природы «не имеют» прошлого. В этом, на первый взгляд, парадоксальном утверждении содержится рациональный смысл. Действительно, никто не отрицает, что текущие и будущие состояния физико-химической системы в значительной степени определены ее «ушедшими в прошлое» и уже не существующими состояниями. Но в любой данный момент настоящего времени «прошлое системы», т.е. уже исчезнувшие состояния системы, определяет те или иные особенности состояния системы и протекающих в системе процессов не непосредственно из своего прошлого, а через существующие в настоящем времени последствия «ушедших в прошлое» состояний.

Представим себе, пишет Ж.П. Сартр, что имеются два гвоздя, один из которых новый и еще не использовался, а второй был уже согнут и ударами молотка распрямлен, но внешний вид у них строго одинаков. «Однако с первого удара первый гвоздь полностью углубился в перегородку, а второй снова согнулся...». Но это, считает автор, нельзя интерпретировать как действие прошлого, поскольку хотя «внешние признаки этих гвоздей одинаковы, но их молекулярные структуры ощутимо различны. И настоящее молекулярное состояние является в каждый момент строгим следствием предшествующего молекулярного состояния, что для ученого вовсе не означает, что есть “переход” от одного мгновения к другому в постоянстве прошлого, но существует только необратимая связь между содержаниями двух мгновений физического времени» /с. 143/.

Таким образом, то, что среди факторов, определяющих течение материальных процессов и ход событий в неживой природе, имеются факторы, определенные событиями прошедшего времени, может быть выявлено только «имеющим прошлое» разумным существом. Для самих же материальных систем и процессов неживой природы факторы, определенные прошедшими событиями, ничем не отличаются от факторов, возникших в настоящем времени.

Здесь мы сталкиваемся с парадоксальной особенностью психической памяти человека, которая, в отличие от всех других видов памяти, воспроизводит прошлое в настоящем именно в качестве прошлого. Эта особенность психической памяти не всеми осознается. Своеобразие психической памяти несовместимо с широко распространенными представлениями о времени и временных свойствах сознания, согласно которым время является атрибутивным свойством материи и материального мира, тогда как в сознании человека имеется лишь отражение этого времени.

Дело в том, что если единственным реально существующим временем является объективное время материального мира, то невозможной оказывается сама психическая память, поскольку в объективном времени все материальные системы и процессы в любой момент своего актуально наличного бытия существуют в настоящем времени. «Течение времени» – это возникающие в результате материальных процессов изменения состояний материальных систем. При этом те состояния, которые претерпевают изменения и «уходят в прошлое», просто перестают существовать. Соответственно и все «следы» от исчезнувших («ушедших в прошлое») событий и состояний материальных систем, которые остаются на материальных объектах, и в том числе в нейронных структурах мозга, пока они существуют, они продолжают существовать в настоящем времени.

Итак, в объективно-реальной действительности не существует актуально прошедшее время. Прошлое воссоздается в человеческом образе благодаря психической памяти человека. Обращая внимание на эти особенности временного бытия материального мира и восприятия времени человеком и указывая на то, что идея «следов», оставленных в нервно-мозговой системе прошедшими восприятиями и переживаниями, не в состоянии объяснить отнесенность воспоминаний к прошлому, М. Мерло-Понти, пишет: «... Никакая консервация, никакой физиологический или психический «след» прошлого не могут объяснить осознания прошлого. Этот стол испещрен следами моей прошлой жизни, я надписал на нем свои инициалы, оставил чернильные пятна. Однако сами по себе эти следы не отсылают к прошлому, они присутствуют в настоящем; и если я нахожу в них знаки какого-то «предшествующего» события, это происходит потому, что я, ко всему прочему, обладаю смыслом прошлого, несу в себе это значение. Если мой мозг хранит следы того телесного процесса, который сопровождал одно из моих восприятий, и если нервное возбуждение снова идет по уже проторенным путям, восприятие появится вновь, я буду обладать новым восприятием, ослабленным и ирреальным, если угодно, но ни в коем случае это наличное восприятие не сможет указать мне на какое-либо событие прошлого, если только я не обладаю каким-то иным взглядом на прошлое, который позволит мне счесть это восприятие воспоминанием... Если мы теперь заменим физиологический след «психическим», если наши восприятия пребывают в бессознательном, затруднение остается прежним: сохраненное восприятие остается восприятием, оно продолжает существовать, оно постоянно пребывает в настоящем, оно не открывает позади нас того измерения ускользания и отсутствия, каковое и есть прошлое. <...> Воспроизведение предполагает удостоверение, оно не может быть понято как таковое, если я уже не обладаю своего рода *прямым контактом с прошлым*, остающимся на своем месте» /Мерло-Понти, 1999, с. 523/ (Выделено нами. – И.Х.).

Не вдаваясь в критический анализ представлений М. Мерло-Понти о времени, следует отметить, что он весьма убедительно показал недостаточность для объяснения психической памяти традиционных представлений о времени и его восприятии человеком.

Познание будущего времени имеет для человека не меньшее значение, чем познание прошедшего времени. Вместе с тем в отличие от прошедшего времени, которое когда-то было настоящим и от которого остались какие-то следы в настоящем, будущее время еще нигде и никогда не существовало и от него нет и никаких следов. Но как можно познать то, чего не было и нет?

Возможность познания человеком будущего времени, которое не существует в объективно-реальной действительности в виде актуально существующего множества будущих событий, обусловлена тем, что благодаря опережающему отражению протекающих в объективно-реальной действительности материальных процессов в мозгу человека (и животных) на уровне психики моделируются предстоящие события и формируется модель вероятного будущего. На основе такого прогнозного моделирования будущего происходит заблаговременное предпрограммирование предстоящего поведения и деятельности.

На уровне животных такое опережающее отражение предстоящих событий определяет все их поведение и жизнедеятельность. А у человека возникает осознанное предвидение предстоящих событий и формируется информационными средствами «протяженное в будущее» субъективное время, на котором моделируется течение объективного физического времени. Именно эта неограниченно «уходящая в будущее» информационная модель объективного времени самим субъектом сознания осознается как непосредственно ему данное актуально существующее в материальном мире объективное будущее время

Весьма своеобразными особенностями обладает субъективное настоящее время.

Во-первых, субъективное настоящее время дискретно, что обусловлено тем, что элементарный акт переживаний человека представляет собой результат весьма сложных нейрофизиологических информационных процессов, требующих для своей реализации некоторых предельно малых интервалов длительности.

Во-вторых, весьма специфической особенностью субъективного времени чувственного восприятия человеком процессов и явлений объективно реальной действительности является открытое В. Вундтом единомоментное восприятие протекающего в некоторых небольших интервалах объективного времени ряда последовательных событий (например, нескольких ударов метронома, боя часов и т.п.). Такое единство в кванте субъективного времени последовательности, временной протяженности и одновременности, по-видимому, и дает возможность человеку в субъективном времени не только сознательно перебирать воспринятые события в прямом и обратном направлении и таким образом «перемещаться во времени», но и непосредственно переживать при некоторых психических нарушениях как нормальное обратное течение процессов, что проявляется в виде «зеркального письма», «зеркальной речи» и др. (см.: Брагина, Доброхотова, 1988, с. /).

В-третьих, «непосредственно текущее мгновение» субъективного настоящего времени может не совпадать с текущим мгновением объективного времени. Подобное наблюдается при состояниях, получивших в психиатрии наименование «возврата прошлого», «двуколейности переживаний», когда человек может заново переживать какие-то моменты своей прошедшей жизни как непосредственно текущее настоящее время.

И, наконец, объективно реальное существование человека как материального тела, живого организма и социального существа протекает как бы в разных временных масштабах и с разными относительно друг друга скоростями. Это обуславливает способность человека переживать как «непосредственно текущее настоящее время» интервалы времени разной длительности⁵⁵.

Итак, объективно-реальная действительность обретает черты пространственно-временного мира событий только в сознании человека, в котором, с одной стороны, благодаря памяти сохраняются и могут оживляться образы уже исчезнувших событий прошедшего времени, а с другой стороны, благодаря воображению могут формироваться представ-

⁵⁵ Более подробно свойства и функции субъективного времени будут рассмотрены во втором выпуске второй части монографии «Феномен времени».

ления о предстоящих событиях будущего времени. Восприятие временных свойств материального мира возможно только в том случае, если в сознании человека формируется субъективное время, способное отразить в себе временные свойства воспринимаемой объективно-реальной действительности.

Литература

- Аксенов М.** О времени. Трансцендентально-кинетическая теория времени. Харьков, 1896.
- Анохин П.К.** Опережающее отражение действительности // Вопросы философии, 1962, № 7.
- Анохин П.К.** Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. - М.: Наука, 1978. - 400 с.
- Аристотель.** Метафизика (Пер. А.В. Кубицкого) // Соч. в 4-х томах. Т. 1. - М.: Мысль, 1975, стр. 63-367.
- Арнхейм Р.** Визуальное мышление. Главы 1, 2, 3, 7 // Зрительные образы: Феноменология и эксперимент: (Сб. переводов). Часть I. - Душанбе, 1971, с. 9-36; Часть II. - Душанбе, 1972, с. 8-98.
- Асмус В.Ф.** Иммануил Кант. - М., 1973
- Ауэрбах Ф.** Пространство и время. Материя движение. - М., 1922.
- Бауэр Т.** Психическое развитие младенца / Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1979. - 320 с.
- Белый Б.И.** О возможном голографическом принципе функционирования правого полушария // Физиология человека, 1979, т. 5, № 6, с. 998-1006.
- Бенвенист Э.** Проблема коммуникации // Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974, с. 69-126.
- Беркли Дж.** Сочинения / Сост., общ. ред. и вступит. статья Н.С. Нарского. - М.: "Мысль", 1978. - 556 с.
- Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А.** Проблема "мозг-сознание" в свете современных представлений о функциональной асимметрии мозга // Мозг и сознание. - М., 1990, с. 75-92.
- Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А.** Функциональная асимметрия человека / 2-е изд. перер. и доп. - М.: Медицина, 1988. - 238 с.
- Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А.** Функциональная асимметрия человека. - М.: Медицина, 1981.
- Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А.** Функциональная асимметрия мозга и индивидуальное пространство и время // Вопросы философии, 1978, 3, с. 137-149.
- Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А.** Проблемы функциональной асимметрии мозга // ВФ, 1977, 2, с.
- Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А.** Функциональная асимметрия человека - М.: Медицина, 1981. -
- Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А.** Функциональная асимметрия человека / 2-е изд. перер. и доп. - М.: Медицина, 1988. - 238 с.
- Бюлер К.** Духовное развитие ребенка. - М., 1924. - 556 с.
- Веккер Л.М.** Психические процессы. Т. 1. - Л.: ЛГУ, 1974. - 334 с.
- Веккер Л.М.** Психические процессы. Т. 2. Мышление и интеллект. - Л.: ЛГУ, 1976. - 342 с.
- Веккер Л.М.** Психические процессы. Т. 3. Субъект. Переживание. Действие. Сознание. - Л.: ЛГУ, 1981. - 326 с.
- Виндельбанд В.** История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2-х тт. Т. 1. От Возрождения до Просвещения. - М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2000. - 640 с.
- Виндельбанд В.** История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2-х тт. Т. 2. От Канта до Ницше. - М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2000. - 512 с.
- Вулф Дж.М.** Скрытые зрительные процессы // В мире науки. 1983. № 4. С. 26-35.
- Гарбер Х.** Против воинствующего мистицизма А.Ф. Лосева // ВКА, 1930, № 37-38, с. 124-144.
- Гримак Л.П.** Супергипноз виртуальной реальности // Виртуальная реальность: Философские и психологические проблемы / Под ред. д. псих. н. Н.А. Носова. - М., 1997, с. 100-111.
- Грюнбаум А.** Ниццета теистической космологии // Вопросы философии. 2004. № 8, с. 99-114; № 9, с. 149-162; № 10, с. 114-124.
- Грюнбаум А.** Происхождение против творения в физической космологии (теологические искажения современной физической космологии) // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 48-60.
- Гуссерль Э.** Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Складнева. - Санкт-Петербург: «Наука», «Ювента», 1998. - 315 с.

- Давыдов В.В.** Виды обобщений в обучении. М.: Педагогика, 1972.
- Дарвин Ч.** Инстинкт /Посмертное сочинение. Пер. М. Филиппова. – С.-Пб., 1896. – 35 с.
- Дельгадо
- Доброхотова Т.А., Брагина Н.Н.** Асимметрия мозга и асимметрия сознания // Вопросы философии, 1993, 4, с. 125-134
- Доброхотова Т.А., Брагина Н.Н.** Принцип симметрии-асимметрии в изучении сознания человека // Вопросы философии, 1986, 7, с. 13-27.
- Доброхотова Т.А., Брагина Н.Н.** Функциональная асимметрия и психопатология очаговых поражений мозга. – М.: Медицина, 1977. – 360 с.
- Доброхотова Т.А., Брагина Н.Н.** Пространственно-временные факторы в организации нервно-психической деятельности // Вопросы философии, 1975, 5, с. 133-145.
- Дубровский Д.И.** Проблема идеального. Субъективная реальность. – М.: Канон+, 2002. – 368 с.
- Запорожец А.В.** Ленинская теория отражения и проблемы умственного развития ребенка // Вопросы психологии, 1970, 2.
- Зорина З.А., Полетаева И.И.** Зоопсихология. Элементарное мышление животных. Уч. пособие. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 320 с.
- Кант И.** Всеобщая естественная история и теория неба // И. Кант. Сочинения в шести томах. Т.1. М.: Мысль, 1963, стр. 115-262.
- Кант И.** Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным // И. Кант. Сочинения в шести томах. Т. 3. - М.: Мысль, 1964. - 799 с.
- Кёлер В.** Исследование интеллекта человекообразных обезьян. – М., 1930.
- Козырев Н.А.** Избранные труды. - Л.: Изд. ЛГУ, 1991.
- Корнилов К.Н.** Биогенетический принцип и его значение в педагогике // Детство и юность. Под ред. К.Н. Корнилова. Педагогич. Сб. – М., 1922.
- Ладыгина-Котс Н.Н.** Исследование познавательных способностей шимпанзе. – М.-Пг., 1923.
- Ладыгина-Котс Н.Н.** Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. – М., 1935.
- Ладыгина-Котс Н.Н.** Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян. – М.: АН СССР, 1959.
- Ладыгина-Котс Н.Н.** Предпосылки человеческого мышления (подражательное конструирование обезьяной и детьми). – М., 1965.
- Лангмейер Й., Матейчек З.** Психическая депривация в детском возрасте. – Прага: Медицинское изд-во «Авиценум», 1984. – 334 с.
- Леви-Брюль Л.** Первобытное мышление. - Л., 1930.
- Леви-Брюль Л.** Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 608 с..
- Лей Г.** Очерки истории средневекового материализма. / Пер. с нем. – М.: ИЛ, 1962. – 587 с.
- Лейбниц Г.В.** Сочинения в четырех томах. - Т. 1 - М.: Мысль, 1982. - 636 с.; Т. 2 - М.: Мысль, 1983. - 686 с.; Т. 3 - М.: Мысль, 1984. - 734 с.; Т. 4 - М.: Мысль, 1989. - 554 с.
- Леонтьев А.Н.** Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2001. – 511 с.
- Леонтьев А.Н.** Избранные психологические произведения. В двух томах. Т. I. – М.: Педагогика, 1983. – 392 с.; Т. II, М.: Педагогика, 1983. – 320 с.
- Леонтьев А.Н.** Проблемы развития психики. 4-е изд. - М.: Изд. МГУ, 1981. - 584 с.
- Леонтьев А.Н.** Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. 304 с.
- Логвиненко А.Д.** 1988
- Логвиненко А.Д.** Зрительное восприятие пространства. – М., 1981. – 224 с.
- Лосев А.Ф.** История античной эстетики: Ранняя классика /т. 1/. - М.: Ладомир, 1994. – 544 с. (Т. 1. М.: Искусство, 1963).
- Лосев А.Ф.** История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2-х книгах. Кн. II. /т. 8, кн. 2/. - М.: Искусство, 1994. - 604 с.
- Лосев А.Ф.** Из ранних произведений. – Мю: Изд-во «Правда», 1990. – 655 с.
- Мак-Фарленд, Д.** Поведение животных: Психобиология, этология и эволюция. – М.: Мир, 1988. – 518 с.
- Марголис Дж.** Личность и сознание. – М. : Прогресс, 1986. – 420 с.
- Мерло-Понти М.** Феноменология восприятия. – СПб.: «Ювента», «Наука», 1999. 606 с.
- Минковский
- Молчанов Ю.Б.** Проблема времени в современной науке. - М.: Наука, 1990 а. - 136 с.
- Мостепаненко А.М., Мостепаненко В.М.** Четырехмерность пространства и времени. – М.-Л.: Наука, 1966. – 190 с.
- Мюллер Ф., Геккель Э.** Основной биогенетический закон: Пер. с нем. – М.-Л., 1940.
- Николис Г., Пригожин И.** Познание сложного. Введение. - М.: Мир, 1990. - 344 с.
- Новиков И.Д.** Анализ работы машины времени. Препринт ИКИ. - М., 1988. – 15 с.

- Прибрам К.** Языки мозга: Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии / Пер. с англ. под ред. А.Л. Лурия. - М.: "Прогресс", 1975, 464 с.
- Рассел Б.** История западной философии. – Новосибирск: НГУ, 1999. - 817 с.
- Рейхенбах
- Рубинштейн С.Л.** Основы общей психологии. – М.: Гос. Уч.-пед. Изд-во Наркомпроса РСФСР, 1940. – 596 с.
- Рубинштейн С.Л.** Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
- Сартр Ж.-П.** Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
- Святощ А.М.** О парциальной и тотальной форме истерической глухоты и глухонемой //Воен.-мед. Ж., 1945, 12, с. 23-25.
- Святощ А.М.** Неврозы и их лечение. М.: Медицина, 1971.
- Серл Дж.** Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
- Спрингер С., Дейч Г.** Левый мозг, правый мозг: Пер. с англ. - М.: "Мир", 1983. - 256 с.
- Столяров А.А.** Аврелий Августин. Жизнь, учение и его судьбы // Аврелий Августин. Исповедь Блаженного Августина епископа Гиппонского. – М.: Renaissance, 1991, с. 5-50.
- Уитроу Дж.** Структура и природа времени. – М.: Знание, 1984.
- Украинцев**
- Фабри, К.Э.** Основы зоопсихологии. – М.: МГУ, 1976. – 287 с.
- Хайдеггер М.** Основные проблемы феноменологии. СПб: Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 445 с.
- Хольт Г.** Образы: возвращение из изгнания // Зрительные образы: Феноменология и эксперимент: (Сб. переводов). Часть 1. - Душанбе, 1971.
- Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии.** Под ред. И.И. Ильясова, В.Я. Ляудис. – М.: МГУ, 1980. – 292 с.
- Хрипкова А.Г.** Возрастная физиология. – М.: Просвещение, 1978. – 287 с.
- Чароян О.Г.** Кибернетика нервных клеток. – Ростов/Д: Рост. Гос. Ун-т, 1975.
- Чуприкова Н.И.** Психика и сознание как функции мозга
- Элькин Д.Г.** Восприятие времени. - М.: Изд. АПН РСФСР, 1962. - 311 с.
- Armstrong D.** The nature of mind // Readings in Philosophy of Psychology / Block N. (ed.). – London, 1980.
- Bhatkar A.P.** Evidence of intercolonial food exchange in fire ants and other Myrmecinae, using radioactive phosphorus // Experientia, 1979, v. 35, № 9, p. 1172-1173.
- Clark J.** The problem of pebble cultures // Atti del VI Congresso internazionale delle scienze preistoriche. – Roma, 1962.
- Dart K.** The osteodontoceric culture of Australopithecus Prometheus // Transvaal Museum Memoirs, 1957, 10.
- Fellers J.H., Fellers G.M.** Tool use in a social insect and its implications for competitive interaction // Science, 1976, v. 192, № 4234, p. 70-72.
- Fouts R.S.** Communication with chimpanzees//Hominization and behavior. Kuth G., Eibl-Eibesfeldt I. (eds.) / Stuttgart: Gustav Fischer Verlag, 1975. P. 137-158.
- Fouts R.S., Fouts D.H., Schoenfeldt D.** Sign language conversational interaction between chimpanzees//Sign Language Studies 1984. V. 42. P. 1-12.
- Fresnean D., Jaision P.** Note preliminaire sur la periode sensible intervenant dans la mise en place des compotements de soins aux cocons cher la Formi rouse (*Formica polyctena Först*) // C. r. Acad. Sci., 1975, № 3, p. 351-354.
- Gardner R.A., Gardner B.T.** Teaching sign language to a chimpanzee //Science. 1969. V. 165. P. 664-672.
- Haskins C.P., Haskins E.F.** Notes on female and workers survivorship in the archaic ant genns *Myrmeca*// Insect soc., 1980, v. 27, № 4, p. 345-350.
- Hölldabler B.** Recruitme behavior, home range orientation and territoriality in harverter ants *Pogonomyrmex* // Behav. Ecol. Sociobiol., 1976, № 1, p. 3-44.
- Hölldabler B.** Territoriality in ants // Amer. Philosoph. Soc., 1979, v. 123, № 4, p. 211-218.
- Hölldabler B., Wilson E.O.** Weaver ants: social establishment and maintenance of territory // Science, 1977, v. 195, № 4281, p. 900-902.
- Jaision P.** L'impregnation dans l'outogenese des compotements de soins aux cocons cher lajeune Formi rousse... // Behaviour, 1975, v. 52, № 1-2, p. 1-37.
- Jaynes J.** The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. Boston, 1976. - 467 p.
- Le Moley F., Passetti M.** Osservazioni preliminari sul comportamento di scelta ecura dei bozzoli in *Formica rufa L.* Il rudo dell'apprendimento // Atenco parm. Acta natur., 1976, v. 12, № 4, p. 361-365.

- Leakey L.S.B., Tobias P.V., Napier J.R.** A new species of genus Homo from Olduvai Gorge // Nature, 1964, vol. 202, № 4927.
- Otto D.** Die Rote Waldameise. – Wittenberg, 1962.
- Premack A.J., Premack D.** Teaching language to an ape // Sci. Am. 1972. V. 227. P. 92-99.
- Premack D.** Animal Cognition // Annual Review of Psychol. 1983. V. 34. P. 351-362.
- Rechsteiner A.** Un eventual conditionnement instrumental chez la fourmi (Formica polyctena) // C. r. Acad. Sci., 1968, №19, p. 1535-1537.
- Rechsteiner A.** Essai de conditionnement instrumental de fourmilieres (Formica polyctena) // Rev. comport. anim, 1971, v. 5, № 3, p. 143-152.
- Rumbaugh D.M., Gill T.V., von Glaserfeld E.C.** Reading and sentence completion by a chimpanzee (Pan) // Science. 1973. V. 182. P. 731-733.
- Rumbaugh D.M., Hopkins W.D., Washburn D.A., et al.** Comparative perspectives of brain, cognition, and language // In: N.A. Krasnegor, D.M. Rumbaugh, R.L. Schiefelbusch, M. Studdert-Kennedy (eds). Biological and behavioral determinants of language development/Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1991.
- Savage-Rumbaugh E.S.** Acquisition of functional symbol usage in apes and children // in: H.L. Roitblat, T.C. Bever, H.S. Terrace (Eds.) Animal Cognition / Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1984. P. 291-311.
- Savage-Rumbaugh E.S., Murphy J., Sevcick R., et al.** Language comprehension in ape and child // Monographs of the Soc. For Research in Child Development. 1993. Serial No. 233. V. 58. Nos. 3-4.
- Turing A.** Computing machinery and intelligence // Mind, 1950.

Ильгиз Абдуллович Хасанов.

Феномен времени. Часть II. Субъективное время. Выпуск 1. Две гносеологические позиции в философии. Субъективное пространство и субъективное время как атрибуты сознания.

Редактор - Н.С. Хасанова

Компьютерная верстка - И.А. Хасанов.

Институт повышения квалификации государственных служащих.
115035, Москва, ул. Садовническая, 77, стр. 1.

Е-mail: ipkgos@dol.ru

www.ipkgos.ru

Заказ 725   Объем 6,25 п.л.   Тираж 300
ГУП «Типография на Люсиновской» г. Москва